

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Бог
с синими
глазами

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская

Бог с синими глазами

«Соболева Анна Николаевна»

2009

Ольховская А.

Бог с синими глазами / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2009 — (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-37053-5

Церемония бракосочетания Анны Лощининой и супер-мегазвезды Алексея Майорова проходила в строжайшей тайне, поскольку для своих поклонниц Майоров должен был оставаться свободным. Вот если бы он женился на звезде своего уровня, тогда – да, а так – какая-то журналисточка. Фи! И даже не красавица. Из-за жесткого гастрольного графика Майорова молодожены виделись редко. Поэтому скучающая Анна отправилась с подружкой Татьяной в Египет. Татьяна влюбилась без памяти в синеглазого египтянина-аниматора. В ночь накануне отъезда в соседнем отеле прогремел взрыв. В теракте заподозрили аниматора... Который оказался сыном мультимиллионера и обвинялся в жестоком убийстве известной актрисы...

ISBN 978-5-699-37053-5

© Ольховская А., 2009

© Соболева Анна Николаевна, 2009

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть 1	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	38
ГЛАВА 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Ольховская

Бог с синими глазами

ПРОЛОГ

Сирена выла. Звук, дробясь на крохотные капельки, проникал сквозь кожу, добирался до вен и артерий и летел по ним, попутно надавав пинков сердцу, к голове. И уж там-то, там-то! Мозгу, пребывавшему в состоянии анабиоза после вчерашнего, приходилось совсем туго. От мерзкого, гнусного, нудного воя спрятаться было невозможно. Мозг метался, сжимался, пытался скрутиться в рулончик, притвориться мезозойской окаменелостью, растечься лужицей – бесполезно. Дурной визг запекал беднягу, словно взбесившаяся микроволновка.

Да что же это такое, в конце-то концов! Почему эта сирена не заткнется?! Если это чья-то автосигнализация сработала, то почему никто до сих пор ее не отключил? И кстати, зачем ставить машину на сигнализацию в охраняемом поместье? Придушил бы идиота, попадись он мне!

Хали с трудом открыл глаза. Думал, что открыл. Надеялся. Не получилось. Глаза открываться не желали. Голос прорезываться – тоже. Все пошло вразнос из-за истерики мозга, отдавать команды было некому. Работал один слух. А что ему, бедолаге, оставалось делать, если все тело превратилось в одно большое ухо и даже слегка резонировало дикому ору.

– Нет, господа, так не пойдет! Кто, я вас спрашиваю, в теле хозяин? – мысленно возмутился Хали.

– Когда как, – философски протянул один из органов.

– Без намеков тут мне! Ишь, распустились! А ну, – гаркнул хозяин тела, – по местам! Вы что, забыли, что имеете честь служить мужчине!

– Я-то нет, – опять не удержался наглец.

– Молча-а-ать! Всем сосредоточиться и начать функционировать!

– Но ведь я...

– Ладно, ладно, отдыхай, только заткнись. Всем остальным – марш, марш, марш! И чтобы без фокусов! Черт, как же мне надоел этот визг! Сабину, что ли, разбудить, пусть прекратит это безобразие, она ведь тут хозяйка. Ладно, думаю, сама сейчас проснется, будить ее с перепоя – себе дороже.

Хали предпринял еще одну попытку проснуться. На этот раз получилось. Медленно, с мерзким скрипом, но глаза все-таки открылись. И первое, что увидел Хали, когда окружающий мир обрел резкость и четкость изображения, был источник звука. Или источница?

Оказалось, что оглушительный вой издает вовсе не машина. И не полиция. И не пожарники. И даже не «Скорая помощь». Звук мощностью в 120 децибелл порождает невысокая полная женщина, одетая в платье горничной. Именно из ее широко раскрытого рта и несется этот умопомрачительный (причем в прямом смысле слова) ор.

С минуту Хали ошарашенно смотрел на горничную его нынешней пассии, французской кинодивы Сабины Лемонт. Ничего себе связки у прислуги! И чего она тогда в горничных подвизается, ей самое место на оперной сцене, свечи в зале голосом тушить. Был ведь лет сто назад русский оперный певец, как его, а, Шальяпин, кажется, который именно это и проделывал. Но, похоже, эта горластая баба способна своим воплем потушить пожар в лесу, а не только жалкие свечки.

Слегка придя в себя, Хали приподнялся на локте, нашарил рукой подушку (черт, что мы с Сабинкой творили прошлой ночью, вся подушка в какой-то липкой гадости!) и запустил ею в горничную. Попал, как ни странно. Вой тут же прекратился. Женщина перевела взгляд на

Хали, потом на подушку, валявшуюся у ее ног, потом опять на Хали. Лицо у бедняги исказилось от ужаса так, что стало похожим на маску из фильма «Крик». Она опять широко открыла рот (отчего сходство стало еще большим), но на этот раз, к огромному облегчению Хали, смогла издать лишь сорванный писк.

– Сюзанна, ты что, совсем с ума сошла? – хрипло проговорил Хали, не оставляя при этом попыток принять вертикальное положение. Получалось неважнецки. – Какого дьявола ты орешь, словно тебя режут? Хочешь хозяйку разбудить? Лучше принеси мне свежавыжатый апельсиновый сок, да побыстрее!

– Режут? Разбудить? Сок? – очумело лепетала Сюзанна, глядя на Хали, словно кролик на удава, одновременно медленно-медленно пятясь к выходу.

– Совсем прислуга у Сабины распустилась, – проворчал Хали и, сумев наконец сесть, заорал: – А ну, марш за соком, кретинка, а то задавлю сейчас, как цыпленка! Мало того, что спать не даешь своими воплями, так еще и тормозишь! Бегом, пошла!

Подействовало. Сюзанна резво повернулась, но вместо того, чтобы тихо удалиться готовить сок, опять включила свою сирену и так, завывая, пулей вылетела из комнаты.

– Идиотка, – буркнул Хали ей вслед.

Ох ты, как же плохо! Сидеть оказалось гораздо труднее, чем лежать, к горлу подкатила тошнота, нетерпеливо переминаясь на скользких лапках. Ну-ну, миленький, шевельнись чуть резче, и я на воле!

Ага, сейчас! И так, похоже, оттянулись они вчера с Сабиной по полной программе, очень уж странное амбре в комнате, какой-то приторный, сладковатый запах. Не хватало еще украсить его новыми изысканными нотками. Лучше все-таки опять лечь и подождать, пока проснется Сабина и приведет в чувство свою свихнувшуюся прислугу. Однако и в горизонтальном положении состояние Хали улучшилось ненамного. Правда, тошнота убралась, укоризненно вздыхая и с надеждой оглядываясь – может, все-таки?.. Нет? Ну ладно.

Но теперь, когда вой прекратился, в голове начался концерт группы больших японских барабанов «Тайкоза». С японскими же фейерверками. Низкорослые вспотевшие японцы с энтузиазмом колотили в свои барабаны. Вернее, они думали, что лупят в барабаны, но это были барабанные перепонки Хали, который в отчаянии прижал руки к ушам, пытаясь хоть как-то прекратить это издевательство. Не удалось. И руки были в чем-то липком, мерзком.

Нет, Хали, дружок, пора прекращать такую жизнь. Не мальчик уже, сороковник скоро, сколько можно плейбойствовать? Что, нравится вот так просыпаться? Нет? Так какого... за ум не возьмешься?

Увы, такие мысли, частенько навещавшие по утрам Хали Салима, наследника многомиллионного состояния, известнейшего светского персонажа и современного Казановы, обычно через полчаса исчезали без следа, как только контрастный душ, стакан сока и чашечка крепчайшего кофе с первой утренней сигаретой возвращали Хали к жизни, оставляя недомогание вместе с раскаянием в прошлом.

И Хали Салим снова был готов к подвигам. И его отцу, Мустафе Салиму, ничего не оставалось, как, сжав зубы, ждать, пока его единственный сын, блестяще отучившийся в Оксфорде, владеющий пятью языками, обладающий цепким умом и великолепной деловой хваткой, наконец перебесится и остепенится. Мустафа, начинавший свой бизнес с одного крохотного отельчика в Тунисе, на сегодняшний день являлся владельцем целой сети роскошных отелей под общим названием «EASTERN PARADISE». Расположенные на всех самых популярных курортах Средиземноморья, эти отели полностью соответствовали своему названию, были настоящим восточным раем. Поэтому и обладали звездностью от 5 и выше.

Мустафа управлял своей империей четко и слаженно. Ум, хитрость, жесткость, способность мгновенно принимать единственно верное решение – все это позволило ему стать тем, кем он стал. Но он старел. Конкуренты дышали в затылок, пытались перехватить инициативу,

завладеть его отелями, отправить на покой. И взрослеющий сын, который, казалось, перенял все лучшие качества отца, был его гордостью, его надеждой, символом того, что империя не развалится, попадет в хорошие руки и станет еще мощнее и богаче.

Да что там говорить, символ получился хоть куда, все шло к тому, что вот-вот Хали займет соседний с отцом кабинет и его современное видение, его ум и способности будут служить расцвету их теперь уже общего бизнеса.

Но... Мустафа до сих пор не мог простить себе, что после окончания Оксфорда не забрал сына сразу домой, а разрешил ему отдохнуть и развеяться после учебы. И совсем упустил из виду один огромный, просто космический недостаток сына. Хали был слишком хорош собой. Причем не той голубоватой красотой мальчиков с подиума, а другой, на которую женщины реагировали слишком бурно. Высокий рост, великолепное тело, не созданное в качалках, а подаренное матушкой-природой, густые выющиеся черные волосы, смуглая кожа, резкие черты лица и – пронзительно-синие глаза, цвет которых казался ненастоящим, настолько насыщенной была синева. В общем, все вместе производило убойное впечатление. Женщины обожали Хали. А Хали обожал женщин.

И отдых наследника империи тянулся уже больше 10 лет. За эти годы Мустафа очень часто встречал имя сына в газетах и журналах, видел его на телеэкране. Но увы... Не в разделе финансовых новостей, а в разделе светской хроники. Связи с известнейшими красотками, скандалы, неприятности, из которых непутевого сынка приходилось выручать. Года два назад, после одной особо неприятной истории с русской моделью, Мустафа увез сына домой, посадил его под домашний арест и спешно начал готовиться к свадьбе. Невесту ему нашел подходящую, дочь одного из давних партнеров-недрузгов, Омара аль-Магдари. Очень хорошая девушка, тоже получила неплохое образование и могла бы стать прекрасной парой сыну Мустафы. Правда, внешность не так чтобы очень уж хорошая, но собаки при виде ее не воют и вороны замертво не падают. А с папашей ее лучше дружить, чем враждовать, хотя и неприятен был Мустафе Салиму аль-Магдари. Жестокий, беспринципный, способный ради достижения цели на любые подлости, аль-Магдари набирал все больший и больший вес в бизнесе. Происхождение его стартового капитала было довольно сомнительным, а методы приумножения этого капитала – еще более удручающими. Омар давно уже пытался наложить лапу на отели Салима, но пока ничего не получалось. Мустафа стоял на ногах прочно. Тогда-то Омар и придумал замечательный, на его взгляд, выход – если нельзя поглотить чужой бизнес, то ведь можно объединиться с ним. А тут и Лейла, доченька любимая, подросла. И давно уже сохнет по красавчику Хали. Папа знает, папа видел фото этого синеглазого бездельника у кровати доченьки.

В общем, все шло к свадьбе, слияние капиталов сулило фантастические перспективы, что понял даже сам Хали (мозги-то у парня на месте) и смирился с перспективой жениться и остепениться. Пока не увидел невесту. На свадьбе.

Хали поморщился, вспомнив свой шок при виде будущей жены. Впечатление было настолько сильным, что он, не соображая, что делает, не думая о последствиях, позорно сбежал с собственной свадьбы. Через окно туалета.

Прошло уже больше года, но отец до сих пор и слышать ничего не хочет о своем беспутном сыне. Империю все еще лихорадило, Омар аль-Магдари был в ярости, да и как иначе после такого унижения собственной дочери! Бедняжка никак не могла прийти в себя, да и цель не была достигнута, отели все еще были собственностью Салима, такой лакомый кусок прошел мимо рта! Короче, круги по воде шли и поныне. А этот мерзавец, так нагадивший собственному отцу, опять взялся за старое. И ведь даже деньгами его не прижмешь, поскольку после блестящего окончания Оксфорда Мустафа лично открыл на имя сына счет, куда перевел сразу миллион долларов. Конечно, за эти годы от денег ничего бы не осталось, трать их Хали бездумно. Но в промежутках между загулами он умудрялся быстро прокручивать некоторые

суммы, играл на бирже, в общем, работала та самая деловая хватка, на которую так уповал отец. И деньги на счету Хали не кончались, увы...

Опа, снова сирена. Хали помотал головой и тут же с испугом подхватил ее, казалось, еще секунда, и голова оторвется и покатится в самый дальний угол. Да что тут происходит, в самом-то деле! Сначала прислуга визжит, психопатка, а теперь полиция, похоже, прискакала. Ага, вот и «Скорая» подключилась к общему хору. Хали опять сел и, все еще держась руками за голову, позвал:

– Сабина!

Молчание.

– Сабина, как ты можешь спать при такой адской какофонии?! У меня сейчас мозги лопнут, а она дрыхнет! Сабина, черт тебя дер!

Молчание.

– Ну ты и нализалась, детка, – застонал Хали, с трудом поворачиваясь к своей разоспавшейся подружке, – да и я, похоже, тоже. Ничего не помню. Что мы такое выпили, Са...

Слова остановились, тупо постояли и с диким топотом унеслись обратно. Язык одеревенел. С кончиков пальцев, все быстрее и быстрее, за пару секунд завладев всем телом, понеслись морозные мурашки. Хали затрясло так, что он не мог двинуться с места. Мозг отключился, он был в состоянии лишь удерживать изображение, но анализировать его, соображать, что к чему, делать какие-то выводы...

Этого не могло быть, но это было.

Блокированное сознание машинально фиксировало происходящее. Вот в комнату ворвались полицейские, вот они подбегают к нему, Хали, валят его на кровать, защелкивают наручники, потом поднимают и волокут к выходу. А там, на кровати, среди еще вчера белоснежных, а сегодня отвратительно ржавых простыней, осталось то, что совсем недавно было Сабиной Лемонт, очаровательной большеглазой женщиной, жизнерадостной и легкой. Но теперь при виде ЭТОГО почему-то вспоминалась лишь бойня.

Кровь. Много крови. И нож. Длинный и тонкий. Вон он, на полу. И отпечатки чьих-то кровавых ладоней на белье. И собственные руки, липкие и ржавые...

Часть 1

ГЛАВА 1

Вот и встретились два одиночества,
Развели у дороги костер,
А костру разгораться не хочется,
Вот и весь, вот и весь
Разгов-о-о-ор!

Провыв особенно проникновенно последнее слово, отчего окрестные собаки готовы были утопиться от зависти, Славочка Тумилов и Серега Горенко затихли, обводя присутствующих растроганными взглядами. Им так хотелось понимания и участия! Но понимание и участие, возмущенно ругаясь и подталкивая друг дружку, давным-давно покинули нашу гулянку. Это было в тот временной период, когда тусовка еще могла претендовать на звание вечеринки. Звучали еще вполне связные речи, народ кучковался вместе, вспоминая общее студенческое прошлое. Еще прислушивались к говорившему, комментируя и дополняя, подкалывая и похикивая. Но близок, близок был тот рубеж, когда вечеринка плавно переходит в пьянку, и следом за пониманием и участием к выходу потянулись здравый смысл, связные речи, самоконтроль. Последней, удрученно оглядываясь и тяжело вздыхая, ушла память.

И народ раскрепостился, народ отвязался. Или развязался? Нет, ведь развязанные – это состоявшиеся кобели в собачьем мире. Хотя... Судя по всему, таковых хватало и здесь. Забавно было наблюдать за своими однокурсниками, которые еще несколько часов назад, солидные и расфуфыренные, пришли на празднование 10-летия окончания политехнического института, а сейчас, похоже, многие забыли, ради чего, собственно, они сюда пришли.

Большинство из нас не виделись все эти годы ни разу...

Ох, погодите, я же не представилась. Я – Анна Лощинина, до недавнего времени скромная провинциальная журналистка на вольных хлебах. Десять лет назад закончила политехнический институт, но обстоятельства сложились так, что должность инженера мне сейчас предложил бы лишь оптимист с психическим диагнозом. Меня вполне устраивала моя тихая спокойная жизнь в родном городе. Сотрудничала с разными изданиями, писала статьи по заказу, деньги получала небольшие, но мне хватало. Побывала замужем, благополучно развелась, жила себе без проблем и потрясений в однокомнатной квартирке. И так бы все и продолжалось – душевно, спокойно, болотисто так, тинисто, пока я не обнаружила вдруг у себя совершенно неожиданный талант. Оказалось, что я могу писать стихи. А еще – неплохие тексты песен. Так и познакомилась с мегазвездой российского шоу-бизнеса Алексеем Майоровым. Он заинтересовался моими текстами, предложил сотрудничество. А потом... Так сложилось, что ближе и роднее Лешки для меня теперь человека нет. Скажи мне кто-либо пару лет назад, что моя половинка, мой самый родной и любимый человек – это вон тот расфуфыренный звездун с телеэкрана, я бы пожалела убогонького, всплакнула над трудной судьбой психа. Но судьба, хихикнув, подкинула мне вот такой сюрприз. И я бесконечно благодарна ей за это. Хотя она, судьба, словно компенсируя новообретенное счастье, щедрой дланью сыплет и сыплет на наши с Майоровым головы испытания, о которых я раньше только в книгах читала. О тихой жизни пришлось забыть (см. книги Анны Ольховской «Право бурной ночи», «Охота светской львицы»), нас штормит и поныне. Но сейчас Лешка уехал на гастроли, а я, чтобы не скучать, отправилась на десятилетие выпуска.

И не пожалела. Конечно, мы знали, как кто устроился, как живет, созванивались ведь, делились новостями. А о некоторых, как, например, об Илоне Якутович, нам сообщали страницы глянцевого журнала и телеэкраны. Да, наша Илонка высоко взлетела. Она была единственной знаменитостью нашего выпуска, остальные, пусть и добившиеся чего-то в жизни, были широко известны в узких кругах. Даже моя подружка, Светка Жеймовская, ох, простите, Светлана Леонидовна, ставшая заместителем директора крупнейшего металлургического комбината, разъезжавшая с личным шофером и прекрасно управлявшаяся с многотысячным коллективом, не вызвала у наших сокурсников, а особенно у сокурсниц, такого живейшего интереса, густо замешенного на зависти. Ну, сделала карьеру благодаря своему уму, настойчивости и фантастическому трудолюбию, ну и что? Ну, состоялась как специалист, не изменив, что большая редкость нынче, своему диплому, ну, защитила кандидатскую диссертацию, успев еще и замуж выйти, и дочку родить, ну и ничего особенного! Кто про нее, про Светку, знает?

А вот Илона Якутович – это да! Пусть и не работала по специальности и дня, пусть с трудом диплом защитила, так это все ерунда. Еще тогда мы знали, что инженером Илона не будет. Когда мы учились на третьем курсе, Илонка пошла по посудной части. По какой посудной? А по той, где миски коллекционируют. Вернее, Мисски. Сначала Илона стала Мисс Факультета, потом – Мисс Института, потом конкурсы, бывшие тогда не столь распространенными, как сейчас, вывели нашу однокурсницу вначале на орбиту города, затем области, а там уже и столица замаячила. Какая там учеба, на пятом курсе мы Илонку и не видели совсем. Честно говоря, мы уже думали, что ее отчислили, но на защите диплома Илона неожиданно появилась.

Сказать, что мы обалдели, – значит не сказать ничего. Особенно наши парни. Как они, бедняги, все же смогли защититься – до сих пор не понимаю. Глаза у всех были стеклянные, они то краснели, то бледнели, они теснились постоянно неподалеку от Илоны, роem перелетая следом, когда та перемещалась в пространстве.

Да и немудрено, если честно. Тогда, 10 лет назад, качественная косметика, фирменная одежда, элегантная обувь, не говоря уже о таком барстве, как аксессуары, – все было малодоступно, все приходилось «доставать». Каталог «ОТТО» листался с завистливыми вздохами – живут же люди! И понятно, что мы тогда выглядели, как бы это сформулировать... Простовато, что ли. Парадные прически – но сделанные косоруками умелицами объединения «Восход», нарядные платья и костюмы – но отечественные и сидевшие на нас не всегда удачно. И косметика, потекшая от жары. Июнь ведь все-таки был.

И тут, словно видение, словно ожившая страничка супержеланного тогда журнала «Космополитен», в зал, где должна была состояться защита, впрорхнула Илона Якутович. И тогда я впервые воочию смогла увидеть разницу между черной и белой завистью. Она была четко прописана на лицах моих однокурсниц. «Ух ты, какая!» и «Чтоб ты провалилась, зараза!» – понятно, где какая?

Высокая, стройная, с роскошными рыжими волосами, прозрачными зелеными глазами и белоснежной кожей без единой конопушки, Илона приветливо улыбнулась:

– Как дела, народ? Ужасно по вас соскучилась!

– Да неужели? – угрюмо буркнула Лена Горельцева, считавшая себя до появления соперницы самой красивой.

– Seriously, – повернулась к ней Илона, словно не замечая свирепого выражения лица однокурсницы, – устаю очень, сплошные переезды, перелеты, гостиницы, фотосъемки, интервью – кошмар! Так иногда хотелось просто посидеть с вами на лекции, потанцевать на дискотеке!

– Бедняжка! – постаралась выдать из себя максимальное количество сарказма Ленка, но, похоже, мучительная процедура выдавливания была напрасной, поскольку Илона, резко повернувшись, направилась к нашему куратору.

Ох, как хотелось, видимо, Горельцевой хоть на минутку стать героиней книги Стивена Кинга «Воспламеняющая взглядом»! Всего одна-единственная минуточка – и от этой рыжей гадючки с ее фарфоровым холеным личиком, с ее ухоженными ручками, на которых посверкивали отнюдь не стекляшки, с ее длиннющими ножками в о-бал-денных туфельках, с ее омерзительно эксклюзивными шмотками осталась бы кучка пепла.

В общем, Илона Якутович благополучно защитилась и получила диплом о высшем образовании. И больше мы ее до сегодняшнего дня не видели. В смысле – вот так, вживую. А на телеэкранах, на обложках журналов, в светской хронике – постоянно. Илона стала одной из первых русских моделей, успешно работавших на Западе. Она участвовала во всех престижных показах, работала с известнейшими кутюрье, снималась в рекламе. Ее интрижки с киноактерами, певцами и всякими-разными другими плеябами вызвали обильное разлитие желчи у наших дам. Всякий раз (который, этот самый раз, случался не так уж и часто, слава богу), когда мне звонила Ленка Горельцева, она предрекала Илоне Утофф (так затейливо изменила Илонка свою не очень благозвучную фамилию) скорый закат карьеры, забвение и кончину где-нибудь под забором, желательно в непосредственной близости от помойки. Добрая она у нас душа, Ленка, нежная и ранимая.

Но Илона всех удивила. Очень четко уяснив, что уходить надо вовремя, в зените славы, а не тогда, когда табун молоденьких девиц затопчет тебя, она два года назад открыла в Москве собственный Дом Дизайна, собрала туда со всей России талантливых дизайнеров одежды, прически, аксессуаров, макияжа, интерьера, ландшафта – всего, где только применимо слово «дизайн». И теперь весьма успешно руководила процессом. Вбухала она в свой бизнес немалые деньги, но оно того стоило. Теперь наша Илонка стала VIP-персоной московской светской тусовки, участвовала во всевозможных ток-шоу на телевидении и даже выпустила книгу о своей трудной жизни.

И естественно, когда наш бессменный староста группы Славочка Тумилов затеял всю эту байду с 10-летием выпуска, никто и подумать не мог, что Илона появится. Ни с кем из бывших сокурсников связи она не поддерживала, поскольку близких друзей среди нас у нее не было. Координат ее никто, разумеется, не знал, поэтому Славочка так, на всякий случай, послал на электронный адрес Илонкиного Дома Дизайна приглашение на встречу. Послал и забыл.

И когда возле ворот небольшой и уютной загородной гостинички, которую мы целиком арендовали на все выходные, притормозил роскошный золотистый «Лексус», народ, возбужденный встречей и оживленно трепавшийся, примолк. Все с любопытством смотрели на сие средство передвижения, которое, в свою очередь, равнодушно-брезгливо смотрело на нас. Потом хлопнуло раздраженно фарами. Потом гнусаво загудело. Мы переглянулись и пожали плечами. Может, заблудился кто? За тонированными стеклами не было видно ничего. И никого. Наконец дверь со стороны водителя распахнулась, и оттуда вышел гоблин. Правда, хорошо одетый гоблин, но от этого краше, изящнее и человекоподобнее он не стал. Посмотрев на нас странным взглядом, больше подходившим гробовщику при снятии мерок для своего изделия, он прорычал что-то невразумительное.

– Простите, что? – рискнул переспросить Славочка, стоявший ближе всех к этому славному парнишке.

– Это «Сказочный лес»? – справился наконец со своим не приспособленным к человеческой речи голосовым аппаратом гоблин.

– Ой, ну что вы, – не удержалась я, – это самый обычный лес, для людей. А где ваши собираются, мы понятия не имеем.

– Гмр-р-ф! – внятно прокомментировал ситуацию гоблин, с трудом переместив серые камешки глаз на меня. И как-то так сразу захотелось стать букашкой, что ли, или червячком каким, чтобы иметь шанс спрятаться под ближайшим листом подорожника.

– Да ладно тебе, Димочка, пугать моих сокурсников! Разумеется, это та самая гостиница, «Сказочный лес», я же тебе сразу сказала! – Мы и не заметили, как в машине опустилось одно из стекол, и из кожаного комфорта на нас смотрела улыбающаяся Илона Утофф, Якутович которая. – А ты, Анька, все такая же язва, не меняешься! Молодец!

– Опа! – вылез вперед Серега Горенко. – Это же Илонка! Ну ни фиги себе! А ты настоящая, не глюк?

– Вот за что я тебя всегда ценила, Сереженька, – промурлыкала Илона, с помощью другого гоблина, являвшегося клоном Димочки, выплывая из машины, – так это за детскую непосредственность. Твоя реакция всегда настоящая, что видишь, то и говоришь. В данном случае получилось мило. А глючить, господа, еще рановато, вечер только начинается.

Появление Илонки внесло еще больше оживления, ее затеребили, затормошили со всех сторон, на что гоблины реагировали довольно нервно. Пришлось хозяйке отправить своих бодигардов пообщаться с местной охраной, а мы все дружно направились в ресторанный зал гостиницы, где нас уже ждал банкетный стол. Истомился, бедняга, от нетерпения.

И понеслось! Через 10 минут светская элита Илона Утофф стала просто Якутович, как раньше. Мы друг дружку чаще по фамилии звали. Девчонкам пришлось свои девичьи вспомнить, хорошо хоть я на своей осталась. Да и не знает из моих однокурсников никто, что второй раз замуж вышла. Даже Светка, поскольку последние годы мы с ней общались лишь при помощи Интернета, ведь жила она нынче довольно далеко от своего родного города. И отношения из дружеских постепенно стали приятельскими.

Как-то так получилось, что к концу нашей вечеринки Илонка очутилась рядом с нами, т. е. со Светкой и со мной. И мы вместе прослушали проникновенное пение нашего дуэта, Сереги и Славочки. Даже хотели подпеть, но не справились со словом «одинокства». Трудное слово. Почти как «сиреневенький глазковыколупыватель с полувыломанными ножками».

Провал теста на опьянение показал нам, что отключка, потеря человеческого облика (вот радость-то для гоблинов!), а также порча дорогих нарядов уже совсем близко. Пора. Пора в номера. В те самые, гостиничные, которые мы все забронировали, оптом.

Держась друг за дружку, мы отправились на поиски приста... притонища, представища... Тьфу ты, опять. Короче, спать пошли.

ГЛАВА 2

Весь мир последние пару лет ужасно обеспокоен наступлением жуткой болячки – птичьего гриппа. И чего волнуются, дурашки? В России этим хотя бы один раз в жизни страдал или страдает почти каждый взрослый человек. Чаще всего – по утрам. Правда, у нас название этой болезни слегка видоизменено, да какая там разница – птичий грипп или перепил? Дискомфортное, нет, все же правильное будет – мерзопакостнейшее состояние имеет место быть и в том, и в другом случае.

Вот как сейчас, к примеру. Возвращение в реальный мир проходило поэтапно, причем каждый этап был гнуснее предыдущего. Анна Лощинина, приличная женщина (надеюсь), замужняя дама (хотя так сразу и не скажешь), автор текстов многих популярных песен, неплохая журналистка, являла собой в данную минуту бесформенную, трудно поддающуюся определению гряду.

Неподалеку кто-то завозился, застонал. Ага, не только мне, похоже, предстоит мучительная самоидентификация. Этот кто-то хрипло констатировал:

– Безвольная ты все же личность, Жеймовская, безвольная и безответственная. Тебе ведь завтра на работу, до которой еще добираться полдня, а у тебя вместо головы – чугуны с помоями.

– Светуридзе, не клевети на себя, ты по-прежнему гений, – охая и кряхтя, попыталась приподняться я.

– Особенно сейчас, – поморщилась Светка, сжав виски ладонями.

– Именно сейчас, – попыталась значительно поднять указательный палец я, но эта скотина, палец, абсолютно не желал меня слушаться, все время норовя создать что-то неприличное. – Ты смогла вот так, с ходу, без напряжения, решить проблему, над которой я бьюсь все утро.

– Это какую же? – Мутный взгляд заместителя директора металлургического комбината попытался приукрасить себя любопытством, но получалось плохо.

– Ты подсказала мне, что у меня находится над руками. Это – голова! – ликующе посмотрела я на Светку. Правда, ликование мое быстро сменилось испугом. Это что, и у меня с лицом такая беда?

– Я бы на твоём месте не очень радовалась, – пропыхтела Жеймовская, выволакивая себя из кровати и направляясь в ванную, – голова на плечах у тебя, да и у меня тоже, была вчера. И то до определенного момента. А потом мы их, головы, где-то потеряли.

– Ладно тебе бухтеть, – бросила я ей вслед, – раз в 10 лет можно и голову потерять, было бы с кем!

– Вот это самое печальное, дорогая моя подруга, – раздалось из ванной, – что головы мы потеряли, но беспредметно, как видишь. Или там кто-то все же есть? – В голосе Светки появилась надежда. – Может, что-нибудь достойное мы и нашли? Поищи там пока, ладно?

– Поищи, поищи, – ворчала я, героически пытаюсь принять вертикальное положение. – Чего тут искать? Мужик – не колечко, в угол не закатится.

Нет, закатиться в угол он, конечно, может, но потеряться там – вряд ли. Сосредоточившись на том, чтобы держать части тела вместе, я подтянула все это богатство к трюмо. И взглянула туда. Лучше бы я этого не делала...

Оставалось только радоваться тому, что мы со Светкой, будучи любящими и верными женами (хотя ругаться могу только за себя), так и не приволокли с собой никаких особых мужского пола, иначе, боюсь, взглянув на нас сегодняшних, парнишки с перепугу быстро бы сменили ориентацию. Так что перед вами, господа, первая благонравная спасительница генофонда нации! Вторая в ванной. Но тоже заслуживает аплодисментов. Личико не менее прелестное.

Внезапно на диване зашевелилась куча предназначенного для стирки постельного белья. Вернее, это я так вначале решила. Оказалось, однако, что это все же человек, с головой замотавшийся в простыни.

Я в ужасе застыла. Неужели я зря только что гордилась собой? И сейчас случится страшное?

Куча белья тоненько чихнула. Станный чих для мужика. Но вот появилась рыжая мохеровая кофта. Так, одеяние у парня еще более странное.

Парень явил свету свое лицо. Тьфу ты, напугала как! И вовсе это не кофта. Оказывается, именно так выглядят по утрам волосы некоторых супермоделей, пусть и бывших.

Илонка тем временем, сладко зевнув, потянулась. Нет, ну это просто свинство! Кроме спутанных волос и вмятин от подушки на щеке, в остальном эта злыдня Якутович была свежа и прелестна. Глаза – ясные, нос – на месте, мешков, отеков и припухлостей – дулюшки. Губки – свежие, бровки – гладкие, а не торчат ежами, как у меня. Да и самочувствие, судя по жизне-радостной улыбке, великолепное.

– Доброе всем утро! – прошептала леди Совершенство, бодро спрыгивая с дивана. Ну что ты будешь делать – она и передвигается легко и изящно, словно молодая козочка. Я-то, конечно, тоже могу себя с копытным сравнить. И тоже будет начинаться на букву «к». И тоже с рогами. Но на этом, собственно, сходство и заканчивается. А дальше все грустно.

– Илона, открой свою страшную тайну! – зловеще провила я, глядя на однокурсницу через зеркало.

– Какую еще тайну? – неожиданно нервно прореагировала та, засунув в карман мгновенно полинявшую улыбку.

– Как тебе удается выглядеть такой свеженькой киской после такого количества спиртного в миске?

– Постоянная тренировка. – Улыбка снова была извлечена на свет божий и даже отреставрирована. – Вы, девчонки, сразу видно, дамы, пьющие редко...

– Ты еще скажи – мало, – мрачно проворчала вернувшаяся из ванной Светка, которая теперь была почти похожа на свое фото в паспорте, т. е. изуродована уже не так сильно.

– Нет, не скажу, – рассмеялась Якутович, – врать не буду. Вчера мы с вами нажракались капитально. Но у меня в этом деле опыта побольше, чем у вас, я думаю, к тому же – профессия обязывает быть всегда, везде и во всем – супер!

И эта зловредная суперница, а если проще – супница, гордо понесла свой головной убор чабана (если бывает рыжая овчина) в ванную.

Хорошо ей, тренированной, вон как скачет. Придется опять ждать, пока освободится ванная, чтобы получить возможность реанимироваться под контрастным душем. Вру. Никогда в жизни не стану в таком состоянии под холодную воду. Только тепленькая. Только.

Где-то через час мы со Светкой приняли довольно пристойный вид, т. е. определенное сходство с первоисточником улавливалось. Про Илонку и упоминать не стоит, чтобы не расстроиться еще больше.

Правда, когда мы вошли в ресторан, где уже собрались почти все наши, мир показался уже не таким гнусным и несправедливым. При детальном рассмотрении мордашек остальных участников вчерашней вечеринки выяснилось, что наши со Светкой физиономии понесли не самый ощутимый урон.

Но, несмотря на то что собравшиеся больше напоминали участников Хеллоуина, несмотря на последствия птичьего гриппа, настроение у народа было все еще радостно-оживленным. Продолжения банкета не намечалось, все собирались после завтрака по домам, а ведь было еще столько незатронутых тем, не дождавшихся вчера наших нежных прикосновений (хотя мне больше нравится по-украински – «нежного дотыка»). Много еще их, тем, хотелось хорошенечко потыкать на трезвую голову, и потому начался обмен координатами.

Почти все подходили к Илонке, раздававшей свои визитки. Но я, если честно, очень не люблю навязываться, поэтому не брала ничьих телефонов, в основном сообщала свои. Кто захочет – позвонит.

Так, праздник заканчивается, впереди – трудовые будни, пора обдумывать варианты ухода. Поскольку гостиница была за городом, многие приехали туда на своих машинах. Я не рискнула, не люблю садиться за руль в не совсем трезвом виде, поэтому моя Кыся скучала в гараже. Светка же у нас очень-очень принципиальный руководитель, в личных целях служебным транспортом не пользуется. Даже из своего города добиралась поездом. Поэтому и приехали мы с ней сюда на Славочке Тумилове. Вернее, на его «Авдюхе», ой, прости, Славик, на «Ауди», конечно же.

Приехать-то приехали, а вот обратно с Тумиловым ехать как-то не улыбалось вовсе. Потому что улыбался Славочка, улыбался абсолютно счастливой улыбкой, которая обычно украшает идиотов и вдупель пьяных. Похоже, наши мальчики гудели до утра. И гудки их еще не зачехлены.

Я подошла к Светке и поделилась с ней печальной перспективой. Перспектива вовсе не желала, чтобы ее делили на куски, и поэтому стала еще печальнее. Чтобы не впасть окончательно в депрессию от ее унылой физиономии, пришлось затолкать эту перспективу в..., нет, думаю, Славочка обидится. Лучше уж вон в тот дальний угол. И мебелью задвинем. Но она, паршивка, успела-таки испачкать нам лица печалью.

В итоге стояли друг напротив друга два ослика Иа в женском обличии. Помните отечественный мульт про Винни Пуха? «Жалкое зрелище, душераздирающее зрелище! Подумать только, с этой стороны то же самое!» Ага. Вот именно.

– Девчонки, вы чего так прокисли? – Так, явление Винни Пуха, в данном случае – Илонки.

– Да вот, – грустно вздохнула я, – не знаем, как будем домой добираться.

– А сюда как?

– Сюда – на Славочке.

– Понятно, – улыбнулась Якутович. – Так в чем проблема? Я вас довезу.

– Серьезно? – обрадовалась Светка, но я, не в силах выйти из образа Иа, уныло протянула:

– У тебя же там все шкафами забито.

– Какими еще шкафами? – озадачилась Илонка.

– Парнишки твои, дистрофики.

– Ах, вот ты о чем. Не волнуйтесь, поместимся.

– Тогда поехали.

ГЛАВА 3

При виде Илонкиной машины мне опять захотелось снять шляпу (если бы она у меня была). Правда, ответных чувств мы со Светкой у машины явно не вызывали. Во всяком случае, положительных. А когда она, машина, услышала, что эти две лахудры посмеют осквернить своим присутствием ее чудненький, новенький, эксклюзивненький салончик, она вообще заглохла. Видимо, это означало глубокий обморок.

Пока гоблин Димочка, неодобрительно косясь на свою хозяйку, зашедшую, по его мнению, в своем братании с народом слишком далеко, приводил в чувство «Лексус», его клоннапарник, не выражавший, к счастью, никаких эмоций, помогал нам устроиться на заднем сиденье с максимальным комфортом. Учитывая размеры салона, субтильные телосложения Светки и Илонки, успешно претворенную мною недавно в жизнь кремлевскую диету – разместились мы очень даже неплохо.

В общем, когда машина пришла в себя, самое страшное для нее уже случилось. Салон был полон. Впереди сидели две прелестные гранитные глыбы – гоблины, а сзади – ее обожаемая хозяйка и остальной мусор. Обреченно ворча, «Лексус» заколыхался по узкой лесной дороге с плебейским корявым покрытием к такому вожделенному скоростному шоссе, чтобы слиться с ним в экстазе.

А тем временем Илонка, рассмотрев вблизи наши слегка (надеюсь!) деформированные физиономии, нажала какую-то кнопочку, и из переднего сиденья выехал мини-бар. И это было весьма кстати, не буду врать. И Светка не будет. А лучше будем дегустировать Илонкину заначку.

Не сговариваясь, мы со Светкой остановились на красном сухом вине. Илонка, потягивая кампари, какое-то время рассматривала пейзаж за окном. Ей это быстро надоело, да и немудрено, пейзажик был так себе, иллюстрация к учебнику по природоведению, раздел «Растительность средней полосы России», и она (Илонка, не растительность), повернувшись к нам, поинтересовалась:

– А вот интересно, девчонки, почему вы не взяли мои визитки? Неужели комплексы какие присутствуют? Ни за что не поверю! Я хоть и мало с вами общалась в институте, но прекрасно помню, что Лощинина и Топорец (не пугайтесь, это Светка в девичестве) тухами никогда не были. А твой язычок острый, Анюта, до сих пор вспоминаю с удовольствием.

– Да при чем тут комплексы! – улыбнулась Светка. – Мы же все люди взрослые, вроде умные, сами визитки имеем и прекрасно знаем, какие именно координаты указываются на тех, которые раздаются неограниченно. Небось там только телефон приемной твоего Дома Дизайна и факс, правильно?

– Точно! – звонко расхохоталась Якутович. – Жесткий отбор моей секретарши проходят очень немногие. А ты что, тоже такой фокус используешь?

– Разумеется, – ответствовала Светлана Леонидовна, невозмутимо смакуя сухетик, – людей обижать не стоит, и если кто-то слишком настойчиво жаждет со мной пообщаться – пожалуйста, вот вам визитка. Звоните. Удачи. Эй, – толкнула меня локтем она, – а ты чего притихла? Голова болит?

– Сижу вот, – скромно потупила глаза я, – стесняюсь.

– Что делаешь? – непонимающе уставилась на меня заместитель директора металлургического комбината.

– Стесняюсь, говорю. Уж очень важные дамы сидят справа от меня. А я зубы не почистила, и платье у меня примялось! А такой шанец только раз в жизни выпадает, когда еще такие небожители ко мне снизойдут! Мужчина рядом с Димой! – завывала я совсем уж заполошно, отчего искомый мужчина нервно дернулся. Машину качнуло, а я продолжала буйнить: – Вам

говорю, мужчина рядом с Димой! Немедленно повернитесь и сфотографируйте меня с этими важными дамами! И не вздумайте вешать мне лапшу на уши, что у вас нет фотоаппарата! Он у вас встроен в лацкан пиджака, я знаю!

– Илона Сергеевна, может, ее посадить? – прогудел, не оборачиваясь, гоблин. – Доберется, тут уже пригородные автобусы ходят.

– Еще чего удумал, Боренька, – вытирая выступившие от смеха слезы, простионала Илонка. – Я тебя самого высажу! Это девушка так резвится, не нервничай.

– А кто нервничает, – буркнул гоблин Боренька. – Резвится она!

– Боря! – моментально заледенел голос Илонки.

– Извините, Илона Сергеевна! – Да, уважают, видно, свою хозяйку бодигарды, вон как прижух, даже уши поджались вместо хвоста.

– А ты, Анюта, – повернулась ко мне Якутович, – не скромничай. Это нам со Светкой фоткаться нужно для престижу, а вовсе не наоборот.

– Это почему, интересно? – суровым взглядом ввергла меня в нервную дрожь Светка. – Или я чего не знаю, дорогая моя подруга? А ну, признавайся, что ты от меня утаила?

– Ничего я не утаивала, – попыталась сконструировать удивленное лицо я. Получилось, судя по всему, неважнецки, Светкины брови выразили еще большее неодобрение моей дилетантской попытке лицедейства. Но я не сдавалась. – То, что я пишу иногда тексты песен, так это ты знаешь. А в остальном – все как и раньше. Инженером я отработала три года, нынче пасусь на вольных журналистских хлебах. Вот недавно любопытную статейку опубликовала, хотите, расскажу?

– Не заговаривай нам зубы, госпожа Майорова, – ехидно усмехнулась Илонка. – Я все знаю.

– Кто тут у нас Майорова? – все больше свирепела Светка. – Ты что, замуж вышла и ничего мне не сказала?

– Никакая я не Майорова, я Лощинина, вы что! – попыталась я избежать боя на ограниченном пространстве. – Что ты напридумывала, Илонка!

– Ой-ой-ой, Штирлиц в юбке! – хихикнула эта рыжая зануда. – Какие мы все из себя засекреченные! Ты что, забыла, кто я и в каких кругах вращаюсь? Ты что, думаешь, вам с Алексеем удалось скрыть от столичного бомонда вашу свадьбу, всего лишь устроив ее в Париже? Не смей меня, дорогуша!

– Стоп-стоп, я уже ничего не понимаю! – Возмущению заместителя директора металлургического комбината не было предела. – Какой еще Алексей? Та-а-а-ак. – Понимание, на секунду появившееся в ее глазах, было тут же пинками выброшено вон, уступив место ярости берсерка. – Алексей, значит? Госпожа Майорова? Ты что, умудрилась окольцевать этого бабника, этого папуаса в блестках? Нашу мегазвезду шоу-бизнеса? Этого кривляку?

– Я тебе сейчас в нос заеду! – Плохо прилепленная шкурка непонимания и святой простоты мигом слетела с меня, стоило только Светке плохо отозваться о моем Лешке. – Сама ты папуас в блестках, я бы даже уточнила – шимпанзе в перьях! Что ты знаешь про Майорова, только сплетни собирать горазда! Сиди вот у себя на заводе, давай стране металл и меньше читай желтую прессу!

– О, видали, – победно улыбнулась Якутович. – Понеслась махать шашкой, муженька защищать.

– Никакого не муженька, я просто за справедливость, – вяло попыталась продолжить сопротивление я. Но сопротивлению это все осточертело, оно послало меня подальше и гордо удалилось. Не-е-ет, сбежало, как крыса с тонущего корабля. Ну и фиг с ним, буду гордо и молча тонуть.

– Так вот, – не обратив никакого внимания на мой прощальный бульк, приготовилась к разоблачению Илонка, – помнишь, зимой был жуткий скандал вокруг Майорова, его еще обвиняли в похищениях детей?

– Ну да, помню, – кивнула Светка. – Трудно было не обратить внимания, тогда любую газету откроешь – обязательно на физиономию этой звездули наткнешься. А про телевидение я вообще молчу.

– Предупреждаю, не прекратишь хамить – навешаю этих самых звездулей, – угрюмо проворчала я.

– Не дура, поняла, – усмехнулась Жеймовская, – постараюсь. Хотя сама виновата, нечего было Мату Хари разыгрывать.

– Ты бы лучше про хари-то вообще не упоминала, – громким шепотом, от которого уши сидящих впереди гоблинов явственно зашевелились, прошипела я. – Все-таки две из них с нами едут. Горазда ты оскорблять всех подряд, мадам директриса!

– Грмх! – раздалось где-то в районе рулевого колеса.

– И как ты их понимаешь, Илонка? – пригорюнилась я.

– Так, дорогуша, ты опять решила разговор в сторону увести? – прищурилась Якутович. – На-ка, – плеснула она мне в бокал еще винца, – займись лучше этим и помолчи. Дай мне посвятить Светку в твои тайны.

– Но ведь это же мои тайны!

– Пей. – Илонка была непреклонна. – В общем, – продолжила она, – если помнишь, тогда оказалось, что все это затеяла безумная фанатка этого самого Майорова, желавшая уничтожить отвергшего ее кумира. И у нее почти получилось. Но потом каким-то образом появились похищенные дети, и все стало на свои места.

– Да, помню, – тоже добавила себе вина в бокал Светка, – тогда еще довольно быстро все затихло. Обычно в таких случаях подробности смакуются долго, а тут – пара статей, правда, достаточно насыщенных информацией, реабилитирующей Майорова, с фотографиями, но и все! Грязью в него кидали более самозабвенно, если честно.

– Так это же гораздо увлекательнее, чем такая скукота, как порядочный мужик, – усмехнулась Илонка. – Но ты не знаешь одного – во всей этой истории непосредственное участие принимала наша с тобой однокурсница, вот эта вот скромница.

– Но я что-то не припомню, чтобы о ней упоминалось в прессе!

– Майоров подсуетился, не хотел привлекать внимания к главному действующему лицу. Оберегал свое вновь обретенное сокровище!

– Илонка, если уж ты решила продемонстрировать осведомленность, постарайся свой сарказм спрятать в сумочку хотя бы, – сквозь сжатые зубы проговорила я. – Я по-прежнему считаю, что личная жизнь Алексея Майорова никого не касается, но если иначе ты не можешь унять чешущийся язык, то хотя бы прояви больше уважения.

– Извини, – покладисто ответила Якутович. С переднего сиденья раздался отчетливый скрип – это повернулся Боренька, слегка обалдев от поведения своей хозяйки. Она? Извиняется?? А Илонка продолжила: – Короче, скандал быстро замяли, Майорова реабилитировали, виновных отправили шить телогрейки и валить лес, и все затихло. В праздничных концертах, посвященных дню 8 Марта, Майоров уже снова принимал участие, публика снова его обожала и засыпала цветами. Но мало кто обратил внимание, что на левой руке певца появилось новое кольцо. Да и где там заметить, ведь Майоров постоянно носит кольца. Но если присмотреться, то это колечко с бриллиантками уж очень смахивало, – тут эта зараза ухватила меня за левую руку, – вот на это!

– Ну и что, – вернула руку на место я. Хватают тут всякие, конечностей не напасешься! Только утром пересчитывала. – Кольцо-то на левой руке.

– Ой, конспираторы, – рассмеялась Илонка, – устроили свадьбу в Париже, а там обручальные кольца на левой руке носят.

– Ничего не докажешь, мало ли колец похожих, – твердо решила стоять на своем я. Свое, правда, в восторг от этого не пришло, вес все же немаленький, но куда оно денется. Свое ведь!

– Видишь, упирается, не хочет говорить, – констатировала факт Якутович.

– Жаба ты, – укоризненно посмотрела на меня Светка. Я старательно прикинулась слепоглухонемой.

За окном тем временем замелькали окраины нашего города. Илонка достала блокнотик, ручку и записала наши телефоны и электронные адреса. Потом дала нам свои личные. Ишь ты, удостоились! С нами мадам Илоне Утофф общаться не стыдно, нас можно принять в узкий круг ее знакомых. Ладно, она в принципе баба неплохая, так что почему нет?

Высадив нас возле моего дома (Светка остановилась на время у меня, плюнув на гостиницу), «Лексус» брезгливо передернул золотистой шкурой и радостно сорвался с места. Мелькнуло в открытом окне Илонкино улыбающееся лицо, она помахала нам рукой и исчезла.

Светка угрожающе повернулась ко мне.

ГЛАВА 4

– Ну, и как это понимать?

– Не бузи на улице, – потянула ее в подъезд я. – Ты же все-таки дама при солидной должности, тебе по рангу не положено дорогих подруг таскать за волосы на глазах неискушенной публики.

– Так это если дорогих подруг, – шипела Светка, мстительно толкая меня в спину указательным пальцем, – а ты у меня с этого момента сие почетное звание утратила, поэтому готовься, брехуха, к жестокой мсте!

– Как ты меня назвала? – тщетно пытаюсь увернуться от начальственного перста, влетела я первой в лифт. – Выхухолью, что ли? Это которая тоже не спит в лесу и ощущает боль в определенной части своего организма? В принципе похоже. Только я благодаря твоему мускулистому пальцу чувствую боль в основном в спине и боках, а не там, где выхухоль.

– Во-первых, тебя нарекли не выхухолью, а брехухой, брехлом, если угодно, – продолжала шипеть Светка, выходя следом за мной из лифта, – а во-вторых, прекрати свои жалкие попытки сменить тему. Это же надо! – бушевала Жеймовская уже в квартире. – Выставить меня такой идиоткой! Я, считавшаяся в институте лучшей подругой этой ренегатки, стала теперь так, бывшей однокурсницей, с которой в лучшем случае обмениваются поздравительными открытками!

– Ну все, все, успокойся, – с тревогой наблюдала я за тем, как невысокая худенькая Светка мечется из угла в угол моей однокомнатной квартиры. – Ты же сейчас разгромишь мое уютное холостяцкое гнездышко. – Я захлопнула рот ладонью, но было поздно.

– Холостяцкое? – подлетела ко мне злобная фурия. – Ты опять??

Ужом проскользнув мимо обстоятельства непреодолимой силы, я вбежала в ванную и заперлась изнутри. Ну ее, Жеймовскую, с ее темпераментом, пусть уgomонится. Она и так своим дурацким тыканьем синяков мне наставила в самых неожиданных местах, как я все это Лешке объясню? Кстати, пора бы включить мобильник, который я отключила и оставила дома, уезжая на встречу. Я заранее предупредила об этом Лешку, пришлось, правда, выдержать мощный прессинг с его стороны – еще чего, целых два дня я буду вне его контроля! Никогда в жизни! Не подумайте, что муж у меня такой ревнивый, просто очень уж непростой период жизни выпал на нашу долю, он терял меня уже дважды. Причем в последний раз почти похоронил. Что обошлось моей половинке в несколько седых прядей, которые теперь приходится тщательно закрашивать. А что делать, профессия обязывает.

Потому и потащил меня Майоров к алтарю сразу же, как только закончилась история с Жанной Кармановой, не слушая никаких робких попискиваний с моей стороны. Во время общей с нашими друзьями Левандовскими поездки в Париж, в День святого Валентина мы поженились в маленькой церквушке на окраине города. Свидетелями были Артур и Алина, а Кузнечик, их дочь и моя маленькая подружка, с энтузиазмом осыпала нас с Лешкой цветами и рисом. Все произошло так скоропалительно, что я еще долго не могла привыкнуть к мысли, что мы стали двумя половинками одного целого не только друг для друга, а отныне перед Богом и людьми. Хотя что касается людей, то мы очень старались скрыть ото всех перемену в жизни кумира многих. Для своих поклонниц Алексей Майоров должен был оставаться холостым, это шоу-бизнес, что поделаешь. Но все же, смотрю, слухи просочились. Интересно, каким образом?

Сидя на краю ванной, я терпеливо ждала, пока Светка уgomонится. Та периодически подбегала к двери, дергала за ручку и требовала открыть. Я отмалчивалась. Постепенно буря стихала. Послышался звяк чайника и шум наливаемой воды.

– Эй, там, на палубе! – подала голос я. – Ты что, воду из-под крана льешь?

– А другой я не вижу, – раздалось ворчание, в котором еще перекачивались отдаленные раскаты грома, но гроза явно ушла.

– Там, в холодильнике, пластиковая бутылка с питьевой водой, возьми ее, – все еще не рискуя высунуться, выдала ценное указание я.

– Хватит орать из ванной, выйди и сама приготовь кофе, кто тут хозяйка, в конце-то концов!

– А у тебя как, приступ бешенства уже иссяк? – бочком просочившись в кухню, робко поинтересовалась я у сидевшей за столом Светки. – Чего ты так раздухарилась, не понимаю?

– Не понимает она, – буркнула Жеймовская, отвернувшись к окну. – Нервы ни к черту, если честно, на моей должности свихнуться можно. Пашешь без отдыха по 12–14 часов в сутки, на планерках без мата не обходится. Знаешь, все чаще забываю, что я женщина.

– И немудрено забыть, – поставила я перед ней чашечку ароматного кофе. – Отправила мужа и дочь в Германию, сама в России, вкалываешь одна на всю семью – кто напомнит, что ты женщина? Только подруга.

– Ага. – Пригубив кофе, Светка блаженно зажмурилась. – Эта подруга тоже, по-моему, забыла о данном факте. Ни слова, ни полслова о своей личной жизни в письмах, так, общая информация, и все.

– Ну не дуйся, Светяка, – села я напротив грустной-прегрустной Жеймовской. – Ну сама посуди: одно дело, когда болтаешь о своем, о женском, вот так, за чашечкой кофе, тет-а-тет. И совсем другое – электронная почта. Она сама по себе не располагает к интимности, нет ощущения уединенности, верно ведь?

– Вообще-то да, – тяжело вздохнула Светка. – Есть в этом зерно истины.

– Да еще какое! – обрадовалась я.

И в этот момент зазвонил телефон.

Я виновато ойкнула. Мобильник-то я так и не включила! Ну что же, милочка, готовься. Сейчас получишь. В том, что это звонит Лешка, я не сомневалась ни секунды. Я всегда знаю, когда он звонит.

Я осторожно взяла трубку:

– Алло.

– Больше ни на какие уступки гадким толстым хомякам я не иду! – завопил с ходу Майоров. – Никогда! Я тут краску для волос уже скоро в ведре разводить буду, чтобы закрасить весь урон, нанесенный моей бесподобной шевелюре твоим гнусным и разнузданным поведением!

– И вовсе даже мое кроткое и ангельское поведение тут ни при чем, – хихикнула я. – Возраст, Лешенька, возраст, от этого никуда не деться. А будешь так наезжать на тихую и забитую женушку, то попомни – вот выпадут у тебя зубы, я тебе жевать не буду! Вот.

– Приплыли, – загрустил Лешка. – Наглость отдельных особей женского пола границ не знает!

– Откуда же ей, наглости, границы-то знать? – философски протянула я. – Она же не знанием, она наглостью и берет.

– Ох, зайцерыб, – громко вздохнула моя половинка, – я в самом деле больше не позволю тебе пропадать на целых два дня. Мне тут черт знает что в голову лезло, чуть с ума не сошел.

– Надеюсь, черт знает что не имело эротической подоплеки? – возмущенно засопела я. – Иначе за такие подозрения нос откушу. И выброшу. И пришить будет нечего. Или нет – найду донора-негра, и пришьют тебе черный расплющенный нос. Вот здорово будет, правда?

– Резвись-резвись, – угрожающе зарычал Майоров. – Скоро домой приедешь, вот тогда и поговорим про эротическую подоплеку. А вообще – как все прошло?

– Все прошло, как и ожидалось, – бодро начала я. – Встретились, наговорились, напились, разъехались. Как видишь – увлекательно, фантазийно, с огоньком, нетрадиционно.

– Это в смысле – нетрадиционно? – насторожился Лешка.

– Ой, ну какой же ты скособоченный у меня, точно как в песне команды КВН из Абхазии: «Только мысли все о нем и о нем – о сексе»!

– И неправда! – Негодованию супруга не было предела. – И не только! Хотя...

– Вот то-то же, что хотя. Все время причем хотя.

– Сама виновата.

– Если ждешь от меня раскаяния, то запасись терпением, – рассмеялась я. – Ждать придется долго.

– Кто бы сомневался, – мурлыкнул этот злыдень тем самым голосом, от которого я плавила. Но на этот раз я собрала весь холод, имевшийся в наличии, и не позволила себе растечься безвольной лужицей. Нет, мне же надо сообщить важную новость!

– Лешка, не сбивай меня, – жалобно протянула ледяная невозмутимость. – Тут вот такая ерунда получается...

– Ничего удивительного, – влез-таки опять этот зануда.

– Ты лучше скажи, – решила не обращать внимания на беспочвенные инсинуации я, – ты знаешь Илону Утофф?

– Такая рыжая кошка, владелица Дома Дизайна? Кто ж ее не знает, довольно популярная особа в последнее время. А при чем тут она?

– А при том, что она на самом деле зовется Илоной Якутович и является моей однокурсницей.

– Серьезно? А ты мне не говорила.

– А зачем? Можно подумать, нам с тобой больше говорить не о чем, кроме как обсуждать столичный бомонд!

– Это точно. И вообще, говорить с тобой я тоже люблю, – заворковал опять Лешка, – но еще больше я люблю...

– Ну хватит тебе! Дай договорить! – простонала я.

– А ты прекрати так стонать! – парировал этот негодяй. – Хм. Ну ладно. Так что там эта Илона?

– А эта Илона радостно называла меня госпожой Майоровой! Мало того, она в курсе, что наша свадьба была в Париже, она даже наши кольца умудрилась сравнить.

– Та-а-ак, – посерьезнел Лешка. – И откуда она все знает, интересно мне?

– Понятия не имею, – буркнула я. – Причем, по ее заверениям, знает вся столичная тусовка. Но я все равно держалась стойко, как партизан на допросе, и ни словом не подтвердила ее рассказ, а обозвала все сплетнями. Вот какая я стойкая и непоколебимая!

– Молодец! Благодарность от лица командования!

– Только от лица?

– Ага, сама меня одергивала, а потом подначивает! – возмутился было Лешка. – Ну ладно, с благодарностью разберемся дома. А что касается слухов про нас – пусть болтают. Будем стойкими и мужественными в борьбе с желтой прессой, хорошо? И давай быстрее домой, а то у меня осталась всего одна неделя перед гастрольным туром, не забыла?

– Ох, Лешка, – расстроилась я, – забудешь разве! Целых полтора месяца тебя не увижу. Раньше хоть на 10 дней, максимум на две-три недели уезжал, а тут – вон на сколько!

– Ну зайцерыб, ну не мучай ты меня. – Бедный мой Лешик, даже голос дрогнул! – Что же сделаешь, если этим летом так все сложилось – весь июль фестивали, конкурсы всякие, да еще и концерты по всей России. Я же предлагал тебе ехать со мной.

– Ага, и делать вид, что мы незнакомы, – шмыгнула носом я. – И что легче?

– Согласен, – уныло протянул Лешка. – Но ведь ты поедешь вместе со своим Таньским в Египет на целых 24 дня! А знойные арабы скучать не дадут.

– Болван ты, муж мой, если честно. Какие еще арабы, это пусть Таньский развлекается. А меня после Таиланда не очень, между прочим, к воде и тянет.

– Ничего-ничего, надо эту фобию преодолевать. Ну ладно, хомка, тут уже Виктор пришел, топчется и подслушивает. Когда тебя ждать?

– Завтра утром, – улыбнулась я. – Я позвоню.

– Да уж постарайся, беспамятная.

И Лешкин голос растаял в телефонных проводах. Сзади раздалось покашливание. Я обернулась. В дверях, скрестив руки на груди, стояла Светка и ехидно улыбалась:

– Даже спрашивать не буду, с кем говорила. А Илонкины слова подтверждает идиотски-счастливая улыбка, гуляющая по твоей физиономии. Теперь пошли на кухню, и ты мне все обстоятельно расскажешь. А заодно и про Таиланд, и про арабов, и про море.

– Ну ладно, – смирилась я со своей участью. – Пошли.

ГЛАВА 5

– Ну ты даешь, дорогая моя подруга! – удивленно протянула Жеймовская, когда Шахрезада закончила дозволенные речи. – Прямо сериал бразильский, ей-богу! Везет же некоторым, а тут работаешь-работаешь, и никаких тебе приключений!

– Знаешь, Светунция, – вяло проговорила я (еще бы не вяло, попробуйте протрещаться два часа кряду, я на вас посмотрю!), – на самом деле подобные истории лучше смотреть по телевизору или читать о них, ты уж мне поверь. А вот принимать в них личное участие – удовольствие сомнительное.

– А как же насчет вас с Алексеем? – съехидничала Светка. – Тоже удовольствие сомнительное?

– Не ерунди, – отмахнулась я. – Вот уж кому-кому, а нам с Лешкой весь этот кошмар точно не нужен был.

– Ты уверена? А вдруг без подобных сложностей ваше взаимное влечение не переросло бы в серьезные отношения, а закончилось банальным скоротечным романчиком?

– История не знает сослагательного наклонения! – важно изрекла истину я. – Для не очень одаренных перехожу на доступный язык – если бы да кабы, да во рту росли грибы. Дальше продолжать?

– Да уж ладно, – улынулась моя директорша, – не напрягайся. Ты лучше мне скажи вот что. Парень этот тайский, который вас спас, как его там – Тхан, что ли?

– Для меня – Лютик.

– Ну, пусть будет Лютик. Ты с ним виделась еще хоть раз или все так и осталось? С глаз долой – и забыли.

– Ну, скажешь тоже! – возмутилась я. – Еще в январе Лешка с Артуром слетали в Таиланд, купили вместе в Бангкоке роскошное кафе в самом лучшем месте и подарили его Лютику. Там на втором этаже жилые помещения, так что теперь Лютик и его семья живут в Бангкоке, страшно довольны. Знаешь, как мой приобретенный братишка назвал свою овеществленную мечту? – хихикнула я.

– Ну и как?

– «Северная звезда». Это я, если ты не поняла.

– О-бал-деть! – рассмеялась Светка. – Так теперь вы с Алексеем можете смело записать вместе гимн вашей семьи: «Две звезды, две светлых повести...»

– В своей любви, как в невесомости! – дурномявом провила я. – В общем, хоть кто-то оценил меня по достоинству. И теперь у Лютика появилась новая мечта – собрать нас всех – меня, Кузнечика, остальных малышей, причем вместе с родными и близкими, – и показать нам свой Таиланд, настоящий. А не то, что мы видели.

– И как его мечта, осуществима?

– Да пока не очень. Ни девочки, ни я как-то не спешим туда вернуться, еще слишком болезненны воспоминания. У нас у всех какая-то океанофобия развилась, на пляж совершенно не тянет.

– А как же Египет? – подняла брови Светка. – Насколько я поняла, ты собираешься в ближайшие дни именно туда?

– Собираюсь, – вздохнула я. – Это идея Таньского. Помнишь ведь ее, мою школьную подружку Таню Старостенко?

– Ну конечно! Я даже ревновала в свое время, что у тебя уже есть лучшая подруга.

– Ну вот. Так она каждое лето мотается то в Турцию, то в Египет. Раньше ездила с разными своими приятельницами, а в этом году они с Лешкой сговорились и решили меня отпра-

вить вместе с ней. Выбрали Египет, уж очень Таньский расхваливает дайвинг на Красном море, заверяет, что при виде такой красоты все мои страхи пройдут.

– А при чем тут Майоров? – не въезжала Жеймовская.

– Да понимаешь, у него через неделю начинается затяжной гастрольный марафон, где-то месяца на полтора без заезда в Москву.

– Ничего себе! – присвистнула Светка. – И что, часто он так?

– По-разному. Но после всей этой истории со скандалом он стал еще популярнее и теперь просто нарасхват. Ну вот. А чтобы я не заскучала одна, они с Таньским и решили совместить приятное с полезным.

– То есть?

– Отправить меня отдыхать и заодно преодолевать свою фобию, т. е. совать меня в море.

– А получится? – засомневалась подруга.

– С Таньским чтобы не получилось! – обреченно махнула рукой я. – С ней как в старом анекдоте – проще отдался, чем объяснить, почему не хочешь.

– И когда вы едете? И куда именно?

– Куда – честно говоря, не знаю. Этим Таньский занимается. Мне ведь, по большому счету, все равно. Летим на 24 дня.

– Ого!

– Лешка настоял. Так вот, на 24 дня, вылет через 10 дней. Слушай, – уцепила я за хвост отчаянно визжавшую и вырывающуюся случайно залетевшую мысль, – а давай с нами, а? Ты же черт знает сколько толком не отдыхала!

– Смешная ты, – грустно улыбнулась Жеймовская. – Это ты у нас на вольных хлебах, когда хочешь, тогда и отдыхаешь. А мне отпуск за полгода планировать надо.

– Но ты же директор! Сама себе хозяйка.

– Если бы! Я заместитель, т. е. человек, на которого можно с успехом переложить свои обязанности и действительно уехать, когда вздумается. И отпускать своего зама в принципе не хочется, это же придется самому многие вопросы решать, вот ужас-то, представляешь? – Светка вроде бы и шутила, но чувствовалось, что накипело на душе здорово. – Так что я бы с удовольствием, но увы...

– Жаль. А было бы здорово, – расстроилась я.

– Ты лучше мне оттуда по Интернету свои фоткишли, – оживилась Жеймовская. – У тебя фотоаппарат цифровой есть?

– Нет. Но будет, если надо.

– Обязательно надо! Интернет сейчас есть везде, вот и будешь вести фоторепортаж непосредственно с места событий, причем во всех подробностях. Обещаешь?

– Крест на пузе масляной краской! – торжественно поклялась я.

Мы посидели еще пару часиков, обсудив все, что только можно. И что нельзя. А потом пора было Светке собираться и ехать на вокзал. Утром ведь с неумолимой неизбежностью обещал быть понедельник. И заместителю директора металлургического комбината надо было возвращаться к своей насыщенной и увлекательной жизни. Грустно, господа, когда главой семьи и основным добытчиком становится женщина. Если бы Мишка, ее муж, хотя бы слегка ослабил груз, который тянет хрупкая жена. Ага, три раза! Парнишка славно проводит время, переходя с одних обучающих курсов на другие. А тем временем и жилье, и учебу дочери, и машину, и курсы мужа оплачивает жена. О как!

Ну ладно. Живут себе и живут. Бог с ними. А пока я провожала старавшуюся выглядеть бодрой и жизнерадостной Жеймовскую. Но когда я захлопала носом, Светка тоже не выдержала. Не виделись мы с ней до этой встречи почти два года, кто знает, когда увидимся снова! Остается опять тот же Интернет.

Посадив подругу в такси, я какое-то время постояла на обочине дороги, вообразив себя памятником скорби. Очевидно, получилось у меня неплохо, в образ я вошла, поскольку возле моих ног с недвусмысленными намерениями стал крутиться какой-то псяк. Пришлось топнуть на него. От такого чудовищного поведения памятника псяк описался на месте, а потом, захлебываясь в истерике, покатился к своей хозяйке, оживленно болтавшей с кем-то метрах в 200. На рыдания любимой деточки хозяйка развернулась, подхватила вздорный меховой шар на руки и с угрожающим видом двинулась в мою сторону. Я с позором покинула предполагаемое поле боя, спешно скрывшись в подъезде. Ну ее, у меня и так синяков после Светкиного допроса хватает, больше мне не надо.

А ровно через 8 дней я снова входила в свой подъезд расстроенная и зареванная. На этот раз после проводов Лешки. Неделя в Москве пролетела, как один день. Иногда хотелось хорошенько разжевать это злое время, словно жевательную резинку, чтобы можно было растянуть его в длинную-предлинную линию. Но увы... Разжевываться время как-то не хотело. Гадство!

Провожая Лешку, я изо всех сил старалась не реветь, быть веселой и оптимистичной. Зачем добавлять моей половинке отрицательных эмоций, он и так выглядел подтаявшим снеговиком.

Но зато потом, оставшись одна в Лешкиной квартире, я показала мастер-класс! Надеюсь, звукоизоляция в его элитном доме надежная, иначе появятся потом публикации в желтой прессе про садомазохистские игры у Майорова.

Результат безудержного буйства эмоций оказался предсказуем. Утром я была похожа на Рене Зельвегер, имеющую при тощем тельце пухлую мордашку. У меня процентное соотношение фэйса к торсу было таким же, но учтите, что мой торс тощим назвать не мог бы даже самый неисправимый оптимист.

В общем, с трудом отыскав на этой пародии на Колобок пуговки глаз, я постаралась сделать обзор максимальным, но опухшие веки неумолимо сжимались в щелки. М-да, придется поискать ближайший косметический салон, чтобы хоть слегка соответствовать фотографии в водительском удостоверении.

Да, господа, увы мне. Как ни тянула я резину, как ни отбрыкивалась, как ни убеждала Лешку, что я за рулем – это даже не обезьяна с гранатой, это просто несовместимые понятия, – было бесполезно. Раз уж мне приспичило жить на два дома – в Москве у Лешки и у себя в городе, раз уж я такая принципиальная, что не желаю бросить работу и окончательно перебраться к мужу, – что ж, пожалуйста! Но мотаться туда-сюда в автобусах? С моей способностью притягивать к себе несчастья? Никогда!

И мне была куплена малышка «Тойота», которую я тут же назвала Кысей – уж очень ласково она мурлыкала, стоило оживить ее. Потом меня отправили на курсы вождения, причем на жесточайшие, где курсантов гоняли со всем энтузиазмом. Покупать мне права Лешка считал безумием. И правильно, кстати. Поскольку первые две недели обучения водительским навыкам я за рулем чувствовала себя монгольским космонавтом.

А потом неожиданно для меня как-то все пошло очень неплохо. Мне даже понравилось. Я почувствовала машину, машина почувствовала меня. И мы теперь дружим. Оказалось, что банальнейшая со времен Остапа Бендера истина – «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения» – полностью соответствует действительности.

В общем, нацепив на нос большие черные очки, максимально задрапировавшись полупрозрачной шалью (эх, паранджу бы сюда!), я спустилась в цокольный этаж Лешкиного дома, где на стоянке жильцов квартировала моя Кыся.

К своему стыду, прожив почти полгода в Москве (пусть и с перерывами), я так и не стала постоянной клиенткой какого-нибудь престижного салона красоты. Уж очень жалко было тратить время, которое мы с Лешкой проводили вместе, слишком его, времени, у нас было мало.

Поэтому, отыскав по справке ближайший цех, где из невразумительного рыхлого комка теста, в которое превратилось мое лицо, могли бы вылепить что-то человекоподобное, я порулила туда.

Дизайн внутри салона был ну о-о-очень стильным. Девушка, восседавшая за стойкой администратора, выглядела живой рекламой этого заведения – просто супер-пупер-с ума сойти. И даже элегантные модные очки без оправы присутствовали. В общем, все на высшем уровне.

Мило улыбнувшись, бизнес-леди поинтересовалась:

– Здравствуйте, мы рады приветствовать вас в нашем салоне. Что бы вы хотели?

– Мы бы, – снимая очки и разматывая шаль, доверчиво сообщила я, – хотели бы снова стать похожей на женщину.

– Ну что ж, – с сомнением осмотрела фронт работ администратор, – думаю, мы сможем вам помочь. Это будет стоить...

– Сколько? – челюсть почти вывихнулась. – А не дороговато ли?

– Ну, знаете, – поправила очки дама, – рожа у вас тоже не маленькая.

Европа, господа, причем полная!

ГЛАВА 6

Накануне вылета в Египет Таньский ночевала у меня, поскольку выезжать из дома мы собирались в 6 утра, чтобы к 10 быть в Домодедове. Кысю придется оставить на охраняемой стоянке в аэропорту. Так долго без хозяйки моя машинка еще не была, надеюсь, будет вести себя прилично и не кокетничать напрапалую с «Лексусами» и «Фордами», они ведь, бедняги, истекут маслом от возбуждения, а владельцам потом голову ломай – что же случилось с их новенькими авто?

Таньский, сопя и отдуваясь, втянула в мою прихожую два гигантских чемодана на колесах, после чего в моей прихожей, которая и была размером в два с половиной таких чемодана, места осталось ровно 20 сантиметров по стеночке. С опаской оглядываясь на надменно смотревшие мне вслед пузатые кофры, я поинтересовалась:

– Слушай, Таньский, а что, в Египте в начале июля бывают снежные заносы?

– Ты чего, мать, – покрутила пальцем у виска моя нежная тургеневская барышня, – от расстройства совсем умом тронулась? Какие еще заносы?

– Ну, которые еще зауши, щеки, брови, – сосредоточившись и закатив глаза к потолку, начала перечислять я, – в общем, когда все лицо мерзнет. Холодно когда, говорю.

– Вот беда-то, – закручинилась Таньский, усевшись на диван и горестно сложив руки на коленях, – у нее опять обострение, в аэропорт могут не пустить. Накрылась моя поездочка!

– И не пустят, – мстительно процедила я. – Увидят при таможенном досмотре багажа, что ты дворницкий тулуп и валенки 47-го размера волочешь в Египет, – сразу бригаду вызовут. Из психушки.

– Какой еще тулуп! – возмутилась Таньский. – У меня нет никакого тулупа! Ты что, гнусняка, так посмела назвать мою чудненькую рыженькую дубленочку?

– Ага! – торжествующе завопила я. – Так ты не отрицаешь, что все это везешь?

– Да с чего ты взяла, что ты несешь вообще? – начала свирепеть подруга.

– В данный момент – ничего, – удивленно посмотрела на свои пустые руки я. – Ничего не брала и нести ничего не собираюсь. Если тебе что-либо нужно – пойд и возьми сама. А что касается моих вопросов – так это же естественное предположение. Чем еще, кроме зимней одежды, можно загрузить эти промышленные контейнеры? Только не говори, что легкими и тонкими пляжными тряпочками! Ой, прости, Таньский, – всплеснула теми же руками я, – как я не подумала! Это же ты, похоже, всю свою личную библиотеку, все 5 книг и 349 женских журналов с собой решила взять, чтобы мы не заскучали в Египте! Вот молодец, на такие жертвы идешь ради подруги! Надо на кухню сбегать за полотенчиком, к рыданиям подготовиться.

– Жалкая комедиантка, – мрачно глядя на меня, припечатала Таньский, – да к тому же страдающая распространеннейшей женской болезнью – завистью. Не можешь смириться с тем, что придется целых 24 дня провести в обществе такой роскошной женщины, как я? А придется, голубушка, придется, – мстительно улыбнулась она, – и не забудь капю прихватить.

– Какую такую капю?

– Ну такую резиновую штуку, которые боксеры в рот вставляют...

– Фу, Таньский, гадость какая!

– Не пошли. Это для сохранения зубов, чтобы их не выбили.

– А мне зачем? Ты собираешься бить меня по лицу? – ужаснулась я.

– Нет. Это когда начнешь зубами скрипеть от зависти, глядя, как я меняю один обалденный наряд на другой, чтобы их, зубы-то, не раскрошить. Понятненько? А теперь кончай болтать, дай мне лучше пульт от твоего телевизора. Я и так уже начало пропустила!

– Начало чего? – шаря по полкам стеллажа, спросила я. – Что за спешка такая?

– Ну, ты даешь, Анюта! – искренне возмутилась Таньский. – Ты что, забыла? Я же тебе уже раз 5 говорила, что сегодня по первому каналу состоится премьера последнего фильма с участием Сабины Лемонт. Ну где же пульт, в конце концов!

– На, возьми и успокойся, – протянула ей вожделенный пульт я.

Таньский включила телевизор, и окружающий мир перестал для нее существовать. До очередной рекламы.

А я пошла на кухню, чтобы перед отключением холодильника с максимальной пользой очистить его, т. е. из остатков продуктов приготовить прощальный ужин. Фильм вместе с Таньским я смотреть не стала, я вообще душещипательные мелодрамы редко смотрю, под настроение только. Чего не скажешь про мою подружку, она эту продукцию просто обожает. Нет, длинные сериалы Таньский тоже не смотрит, у нее на них не хватает ни времени, ни терпения. А вот сладкие истории длительностью часа 1,5–2 – это да, это она обожает. И не сказать чтобы она была такой уж поклонницей творчества Сабины Лемонт, сексапильной красотки-франуженки, просто история трагической гибели этой актрисы, ставшая главной новостью февраля, вызвала повышенный интерес к фильмам Сабины. Почти как в истории с Майоровым. Только Лешка, слава богу, остался жив. А Сабина – нет.

Я, если честно, не очень следила за событиями в мире в тот период, у нас ведь был медовый месяц в Париже. И хотя трагедия произошла в предместьях этого города всех влюбленных, и хотя именно французские средства массинфо захлестнула волна репортажей, нам было не до того. К тому же мы с Лешкой, недавно пережив свой, личный кошмар, вовсе не горели желанием смаковать подробности чужого.

Поэтому все об этой истории я узнала от Таньского во время наших походов в баню.

20 февраля в полицию позвонила насмерть перепуганная горничная актрисы Сабины Лемонт. Из ее истеричных воплей с трудом удалось разобрать, что ее хозяйку убили. В поместье, расположенное в предместье Парижа, незамедлительно выехали полиция и медики. Последние – в надежде на то, что горничная ошиблась. Но жуткая картина, открывшаяся глазам прибывших, не оставляла никаких сомнений в том, что Сабина Лемонт мертва. Ее роскошная, эротично-женственная спальня сейчас больше походила на бойню, где похозяйничал свихнувшийся мясник. Кровью было испачкано все – стены, мебель, постель, на которой ничком лежала Сабина, а также застывший с безумным видом полураздетый мужчина. Его руки, ржавые от крови, и нож, валявшийся рядом, свидетельствовали сами за себя. Мужчине надели наручники и увезли в участок. Согласно показаниям горничной, это был любовник Сабины Лемонт, сын арабского мультимиллионера Мустафы Салима, известный плейбой и светский персонаж Хали Салим. Что произошло накануне между любовниками, не мог сказать никто. Горничная, живущая в доме хозяйки, как раз 19 февраля взяла выходной, у ее сына был день рождения. Сам Хали пребывал в шоковом состоянии и не говорил ни слова. Он лишь тупо смотрел в одну точку, не реагируя ни на какие вопросы. Вывести его из этого состояния не смогли и приглашенные Мустафой Салимом лучшие специалисты в области психиатрии. Но то, что Хали не симулировал, было установлено абсолютно точно.

Но и без его показаний все было ясно. На испачканном кровью Сабины Лемонт ноже нашли отпечатки пальцев только одного человека – Хали Салима. В крови Хали обнаружили следы ударной дозы наркотика. Что же тут неясного? Тем более что многочисленные друзья и знакомые Сабины рассказали, что в последнее время любовники часто ссорились. Прожив вместе с Сабинкой рекордный для него срок – полгода, Хали начинал поглядывать на других женщин, долгие связи вообще не входили в его планы. Но Сабина, безумно влюбившаяся в красавца араба, и слышать ничего не хотела о разрыве. В тот роковой вечер, 19 февраля, между любовниками скорее всего разразился очередной жуткий скандал. Наркотики, попав в и без того бурлившую восточную кровь, образовали смертельный для Сабины коктейль, и Хали превратился в берсерка.

Мустафа Салим нанял для сына лучших адвокатов, те старались изо всех сил отработать свой немаленький гонорар, но, увы, их усилия не давали и малейшего положительного результата. Ну чем, к примеру, могло помочь Хали то, что все знавшие его более-менее близко в один голос уверяли, что Хали никогда не употреблял наркотики, что он с презрением относился к тем, кто баловался этой гадостью. И что? Раньше презирал, а теперь сам решил попробовать. Все это было ерундой и никоим образом не перевешивало отпечатков пальцев на орудии убийства и показаний охранников, дежуривших в ту ночь на территории поместья и с уверенностью заявлявших, что никого, кроме Сабины и Хали, вернувшихся откуда-то в 8 часов вечера, в доме не было.

В общем, всем было ясно, что Хали Салиму светит тюремный срок, причем немаленький. Но этого не случилось. Утром 2 марта обвиняемый был найден в камере повесившимся. Как он это проделал, помог ли ему в этом кто-то – так и осталось загадкой. Служащие тюрьмы, где это произошло, хранили гробовое молчание. Вездесущим репортерам удалось лишь сфотографировать Мустафу Салима, забиравшего тело сына домой для захоронения.

А по экранам Европы тем временем начинал триумфальное шествие последний фильм с Сабиной Лемонт в главной роли. Интерес публики подогревало и название фильма: «Бабочка-мишень», народ валом валил в кинотеатры и жадно вглядывался в лицо актрисы – есть ли там печать смерти, следы обреченности? Разумеется, многие находили, ведь кто ищет – тот всегда найдет.

И вот теперь мой Таньский, жадно прильнув к экрану (бог с вами, не в прямом смысле, стекло она не целовала), не отрываясь, следила за происходящим в фильме. Во время рекламных пауз она врывается ко мне на кухню и пыталась втянуть меня в обсуждение увиденного, периодически обзывая убийцу Сабины всякими нехорошими словами.

Но я, бесчувственная, втягиваться не желала, поскольку мучительно вспоминала: положила я один купальник в сумку или два? Ужасно не хотелось расковыривать туго набитый багаж, но сомнения меня вконец изгрызли. Заметив, что моя тень, удобно устроившаяся на полу, стала похожа на кусок «Российского» сыра, т. е. такой же мелкодырчатой, дальше грызть себя сомнениям я не позволила. А то стану «Радамером». Пришлось сумку все же распотрошить. Купальник был один, что меня порадовало. Почему порадовало? Ну как же, не зря потрошила, и складывать все обратно уже не так нудно и противно.

ГЛАВА 7

Домодедово порадовало нас своими обычными развлечениями – регистрация на рейс, к примеру, или паспортный контроль. Но недремлющая забота о нашем спокойствии и безопасности подвигла администрацию аэропорта добавить новый аттракцион под названием «Первичные навыки стриптиза». Оснащен он (аттракцион, не стриптиз) был, правда, весьма незатейливо – бельевыми корзинами, куда, по замыслу режиссера-постановщика, и надо было складывать верхнюю одежду и обувь. Эротичные покачивания приветствуются. Потом на ноги следовало нацепить шапочки для душа и в таком виде прошлепать прямо в объятия корифеев и фей досмотра. И здесь, господа, наблюдалась чудовищная дискриминация по половому признаку! Почему-то всех женщин ощупывали и охлопывали феи. А корифеи тискали мужчин. И где же тут справедливость, где свобода выбора?! Ну ладно я, дама замужняя, мне мужское шупание и даром не нужно, а что делать женщинам недолапанным и недотисканным? Может, это у них один из немногих шансов хоть немного добрать этого удовольствия! Недоработочка, дорогие мои работники аэропорта Домодедово, причем существенная. Вы уж поставьте, пожалуйста, на личный досмотр мужчин помоложе и посимпатичнее, да и женщин таких же, и дайте пассажирам право выбора, кому отдаться.

В аэропорту Шарм-эль-Шейха, куда мы прилетели, все было не в пример скучнее и быстрее. Хотя, возможно, это только в зале прилета, а при посадке тоже будут увлекательные приключения.

Пока же мы с Таньским топтались возле веселой карусели, на которой катались чемоданы и сумки с нашего рейса. Ни моих сумок, ни контейнеров Таньского все еще не было. Моя модница начала нервничать – а вдруг ее гардероб отправили куда-нибудь не туда? А вдруг это происки завистников и завистниц? Она начала с подозрением поглядывать на меня, и я сочла разумным отойти в сторонку и позвонить Лешке. Давно пора было включить мобильник и отчитаться, а то опять нарвусь. Нарвалась. Самолет приземлился полчаса назад, а я только сейчас звоню??? Телефон больше не отключать, звонить мой муж будет сам. Прямо Мичурин – ему не нужны милости от природы, взять их у нее – вот его задача! Природа, как вы поняли, это я. Вернее, стихийное бедствие. Катастрофа. Ласковый у меня супруг, ничего не скажешь!

Так, теперь надо попробовать подружиться со своим новеньким цифровым фотоаппаратом, купленным накануне отъезда. Я ведь помнила обещание, данное Светке. Первые кадры получились весьма даже недурственные – их можно было смело помещать в качестве иллюстраций к статье «Пожар в курятнике». Паника, развившаяся на лице Таньского, полностью гармонировала с названием.

И наконец, когда почти все пассажиры нашего рейса получили свой багаж, когда даже мои сумчонки уже давно скромно устроились у ног хозяйки, выплыли кофры Таньского. Похоже, худые, словно высушенные солнцем местные грузчики тянули до последнего, перекидав вначале вещи нормальных людей, а потом уже вместе, друженько, с местным аналогом песни «Эх, дубинушка, ухнем!», забросили контейнеры Таньского на карусель. И с любопытством выглядывали теперь из своего окна, чтобы лицезреть того могучего русского богатыря, который будет забирать эти два чудища.

И надо было видеть то изумление, быстро сменившееся благоговейным восторгом, когда Таньский, радостно курлыкнув, бросилась к своим родненьким чемоданчикам и смела их с движущейся ленты. В глазах у арабов, звонко дзынькнув, высветилось: «Хочу! Такую! Красивую, белую и сильную!»

А надо сказать, что внешность Таньского и так полностью соответствовала всем канонам восточной красоты, во всяком случае, именно такие гурии присутствуют на иллюстрациях к «1001 ночи» – фигурой подобные амфоре. Тонкая талия и широкие бедра, аппетитная грудь

(не вымя, грудь!), узкие плечи и гибкие руки, да еще ко всему этому – голубые глаза, русые волосы и белая кожа. Да еще и такая сильная к тому же!

– Таньский, берегись, – хихикнула я, направляясь следом за своей выучной подружкой к выходу из аэропорта.

– В смысле? – сдвиг налившую на лоб прядь волос, пропыхтела та.

– По-моему, аборигены, сраженные твоей бесподобной внешностью, уже прикидывают, во сколько верблюдов ты им обойдешься. Как думаешь, сколько мне за тебя запросить?

– Не отвлекайся, а лучше ищи табличку нашего туроператора. Ага, вон он, пошли.

Отель, который Таньский сочла достойным таких важных особ, как мы, был, разумеется, пятизвездочным и находился в районе под названием Наама-Бэй.

Наш номер располагался на втором этаже, вид из окна был просто великолепным – синева моря сливалась с небом. Выйдя на балкон, я прислушалась к своим ощущениям. Судя по всему, ощущения в данный момент прислушивались ко мне. Было тихо – ни паники, ни тошноты, ни медвежьей болезни. Уже хорошо. Посмотрим, что будет дальше.

После того как мы разобрали багаж (оказалось, что предусмотрительная Таньский взяла с собой вешалки, иначе разместить все свои наряды она вряд ли смогла бы), приняв душ и отдохнув пару часиков после перелета, свежие и воодушевленные, отправились мы знакомиться с территорией отеля.

И оказалось, что боялась ехать к морю я совершенно напрасно. Что было тогда, осталось в самом дальнем чуланчике моей памяти, надежно запертое и придавленное утюгом. И булыжником. И здоровенным томом истории КПСС. И ничто не мешает мне наслаждаться ароматом цветов, запахом моря, мягкостью песка и заигрываниями ветра.

– Слуша-а-ай! – протянула я, закинув руки за голову и потянувшись. – А мне здесь нравится!

– Серьезно? – обрадовалась Таньский. – И никаких фобий?

– Абсолютно!

– Ну, тогда держитесь все, мы приступаем!

И вечером на дискотеке моя подружка дала жару. Нет, я, конечно, тоже не сидела в уголке, скучно потягивая коктейль и всем своим видом выражая, что я выше всех этих плебейских развлечений. Присутствовали там пара-тройка таких дамочек – и чего пришли, спрашивается? Я же вместе с Таньским потрясала основы мироздания, в том числе и танцпол. И в полной мере ощутила, поняла, почему моя подружка так рвется каждое лето в Турцию или в Египет. После долгой и слякотной зимы, которая начинается в ноябре, а заканчивается в апреле, после отвратительно-нудной, но одновременно очень напряженной и выматывающей работы бухгалтера все это – море, солнце, ритм дискотеки под звездным небом, когда в перерывах между композициями слышен шум прибоя (ведь дискотека расположена на пляже), – все это действительно кажется сказкой, чудом, другой планетой. Но если, предположим, что-то подобное можно себе представить и ощутить, побывав на отечественных курортах – в Сочи или в Крыму, то одного, самого главного и притягательного компонента там точно нет – всепроникающей и обволакивающей чувственности. Воздух просто искрил от эротического напряжения.

А вокруг Таньского уже давно метались маленькие шаровые молнии, лазутчики мужских желаний. Каждое ее движение было настолько соблазнительно, что мне казалось – вот-вот раздастся жеребцовое ржание и мою подругу затопчут. Если не сами жеребцы, то уж кобылы точно. Из чувства мстительности.

Но все заканчивается, закончилась и дискотека. Впереди было самое трудное – дорога в номер. Осторожно ступая между вырытых копытами ям и лужиц накапавшей слюны, мы направились вместе с остальными в отель. Остальные довольно быстро рассыпались на парочки и троечки, и спасительной толпы вокруг уже не было. Дорожка, ведущая к корпусу, была густо обсажена кустами роз, которые, мерзавки такие, подливали розового масла в огонь, благоухая

изо всех сил. То там, то сям, но чаще всего сям, в кустах наблюдались бутоны-гиганты, причем все, как на подбор, черноволосые. Когда мы, сцепившись ладошками, с максимально независимым видом проходили мимо очередного сям, бутон вываливался на дорожку и на ломаном русском выдавал фразу типа:

– Дэвушка, зачем спать, давай гулять!

Убила бы этого типа. Того, чья фраза. Поскольку мы с Таньским реагировали на очередного бедолагу не больше, чем на настоящий розовый куст (нет, вру, настоящий розовый куст иногда хочется понюхать, а вот этих парнишек – нет), и молча проходили дальше, в игру вступал очередной претендент. «Ручеек», блин!

В номер мы пришли, оставив позади не меньше десятка подстреленных Таньским экземпляров.

– Нет, ну ничего себе! – обрушилась я на довольно улыбающуюся подругу. – И ты, поганка такая, морочила нам с Лешкой голову, что заботишься исключительно о моем здоровье и только поэтому поехала вместе со мной. А на самом деле я тебе нужна лишь как личный бодигард-штабелеукладчик. Так ты учти, я свежевать твои личные охотничьи трофеи не буду, сама справляйся!

– Чего шумишь, – умиротворенно промурлыкала Таньский, усаживаясь перед зеркалом смывать лицо. – Тут всегда так.

– Где это – тут? Что – всегда? – продолжала кипеть я, аж крышка подпрыгивала и тренькала.

– Тут – на юге, что в Египте, что в Турции – везде одинаково, – спокойно, не обращая внимания на мой пар, возюкала по лицу ваткой с косметическим молочком эта знойная фемина, – мужчины горячие, в отличие от наших своих желаний не скрывают, если они тебя хотят, то сообщают об этой радостной новости незамедлительно.

– У-у-у, Таньский, – загрузила я, – так вот зачем ты, оказывается, сюда едешь. Самцов коллекционировать.

– А знаешь, – повернулась ко мне подруга. Она улыбалась по-прежнему, но в глазах почему-то заплескалась тоска! – Я каждый год жду отпуска с одной лишь мыслью – ну вот теперь-то я отвязусь, наверстаю упущенное! Уж в этот-то раз обязательно начну эротическую охоту. И каждый раз... – Она махнула рукой и отвернулась.

– Ты что, – ошарашенно смотрела я на ссутулившуюся спину Таньского, – хочешь сказать, что все эти годы, будучи абсолютно свободной, не связанной никакими отношениями, приезжаешь в этот переполненный чувственностью край, зажигаешь на дискотеках, соблазняешь всех особей мужского пола, включая муравьев, – и ни-ни? Ни с кем?? Ни разу???

– Угу, – еще больше ссутулилась спина.

– Ну, знаешь, – все еще не могла прийти в себя я, – это какая-то совсем редкая форма садомазохизма. Но почему?

– Я понимаю, это выглядит дико, – глухо проговорила Таньский, – тем более что прошло больше пяти лет, как мы расстались с Максимом, – (скотина и предатель твой Максим!), – и мне сам бог велел развеяться, забыться и наслаждаться каждым мгновением.

– Ну и?

– Не получается. Весь год я коплю нерастраченную сексуальную энергию, а потом выплескиваю ее только в танцах.

– Это трудно не заметить. Но, Таньский, – подошла я к подруге и обняла ее за плечи, – я все же так и не поняла, что тебе мешает?

– Не что, а кто, – посмотрела на меня через зеркало Таньский. – Я сама себе и мешаю. Я не могу заниматься сексом ради секса. Да, все это звучит глупо, мне уже 32 года, надо ловить любой шанс получить удовольствие, но – не могу. Понимаешь, я своего мужчину чувствую сразу, меня к нему неудержимо тянет буквально с первой минуты знакомства. А если не тянет,

не включается что-то в душе – все. Ничего не могу с собой поделать. Будь он хоть трижды красив и сексуален. Насильно мил не будешь. Глупо, правда?

– Неправда, – улыбнулась я ее отражению, – я-то тебя как раз понимаю. Лешка ведь второй мужчина в моей жизни. И последний, я это точно знаю.

– А первый был Юрий? Твой бывший муж?

– Кто же еще, не к ночи будь помянут. И как бы мне ни было плохо рядом с ним, как бы он ни оскорблял и ни унижал меня, изменить ему просто так, чтобы отомстить и развеяться, у меня не получалось. Просто потому, наверное, что где-то меня ждал Лешка. А тебя, – дернула я за ухо грустного Таньского, – тоже где-то ждет твоя половинка, ты уж мне поверь.

– Хотелось бы, – бледно улыбнулась героиня сегодняшних эротических сновидений многих местных мужчин.

ГЛАВА 8

И покатилась, потянулась, порезвилась наша курортная жизнь. Каждый вечер, перед ужином, я заходила в местное Интернет-кафе и отправляла подробнейший отчет с фотоиллюстрациями Светке. Конечно, самую увлекательную часть нашей жизни под названием «Таньский и мужчины» мне сопровождать снимками не получалось, поскольку действие разворачивалось по уже заведенному сценарию – дискотека, глухое утробное ржание и «Ручеек». И не буду же я таскаться на диск с фотоаппаратом, чтобы последний затейливо и с размахом (во всех смыслах слова) прыгал во время танцев у меня на груди.

Так что об этой части нашей жизни Светка узнавала лишь из моих рассказов. В ответах она каждый раз сожалела о том, что не смогла поехать, иначе она, Светка, быстро показала бы Таньскому, как преодолеть барьер порядочности. Еще один воинствующий теоретик, кто бы уж говорил!

Зато все остальное присутствовало в моих репортажах в полном объеме. И наш номер, и вид с балкона, и фрагменты территории, и пляж, и рынок старого города, куда мы иногда ходили (совсем иногда, поскольку бурная химическая реакция на Таньского продолжалась. Да и, чего уж там, на меня тоже. Но поменьше, поскольку мой лимит эротичности был до донышка выпит Лешкой), и самое ужасное, просто преступление против человечества – шведский стол! Змей-искуситель подsunул Еве всего одно жалкое яблочко, и то вон какая петрушка приключилась. А что было бы, предложи он ей шведский стол? Страшно подумать!

Так прошла первая неделя. Ежевечерние выходы Таньского привели к тому, что на нас начали косо поглядывать. И немудрено, посудите сами – неделю дамочка зажигает так, что к танцплощадке подтягиваются все самцы, причем не только человеческие, а потом, не выбрав ни одного достойного из множества предложенных вариантов, уединяется с подругой в номере. Неужели такая роскошная женщина не любит мужчин, вразуми ее Аллах!

Но вот однажды, в разгаре второй недели нашего релакса, мы с Таньским, решив слегка отдышаться после особо долгого танцевального марафона, взяли себе по коктейлю и примостились за одним из столиков. Потягивая из затейливо разукрашенных бокалов вкусный напиток, мы снисходительно поглядывали на танцующих. Вернее, это я поглядывала на этих любителей, а основная профи сидела с совершенно отсутствующим видом. Я пощелкала пальцами у нее перед носом:

– Эй, спящая красавица, ты где?

– Ты о чем? – перевела на меня затуманенный томный взор Таньский.

– Ну-ка, ну-ка, – наклонившись поближе, всмотрелась я в ее лицо, – знакомое выражение физиономии наблюдается, хотя и сильно отдающее нафталином. Сколько оно у тебя в запасах пролежало? Не меньше тех самых пяти лет?

– Что ты пристала? – бездарно попыталась Таньский изобразить непонимание.

– Слушай, – улыбнулась я, – сейчас я шепотом напомним тебе, сколько лет мы знакомы. Неужели ты надеешься, что за эти годы я не изучила тебя лучше даже, чем себя?

– А почему шепотом?

– Детская попытка сбить с мысли умницу Анечку. Я на нее, на мысль, прочно села и слезать не собираюсь, так что не напрягайся. А шепотом потому, что, услышав это кошмарное число, знаменующее четверть века, нас отправят обратно в пирамиды, как сбежавшие мумии.

– Откуда четверть века-то?

– Т-с-с-с, – зашипела я. – Не ори. У тебя еще и склероз развиваться начал. Или маразм? Ладно, не важно. Мы с тобой когда встретились?

– Ну, в первый класс когда пришли.

– И сколько же тебе годков тогда было?

– Как и тебе – семь.

– А сейчас сколько?

– М-да. Все правильно, – расстроилась Таньский. – С ума сойти, ну и срок! За убийство меньше дают, чем я уже с тобой отмучилась!

– Это еще кто с кем, – невозмутимо парировала я. – Но ты зубы-то мне не заговаривай, не финти. Давай признавайся, что за туман в очах наблюдается? Неужели барьер сломлен и местный климат вот-вот сподвигнет тебя на приключение?

– Да я сама еще не разобралась, если честно, – уныло болтала соломинкой в бокале Таньский. – Сегодня здесь, на дискотеке, вдруг так знакомо сердце зашлось, почти как тогда, при встрече с Максимом. Но только почти.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что все гораздо сильнее – и сердце замирает, как на качелях, и в животе бабочки летают, да еще вот, смотри, – вытянула руки она, – вся в пупырышках, как молодой огурец.

– Ничего себе! – присвистнула я. – Это на кого же тебя так перемкнуло?

– Да в том-то и весь идиотизм, что не знаю! – чуть не плача, выкрикнула Таньский.

– Я уже ничего не понимаю, – решительно поднялась я с места, – надо пойти еще по коктейлю взять, а потом ты мне постарайся объяснить.

– Если получится, – уныло протянула звезда Востока. – Только долго не ходи, а то, несмотря на подозрения в наш адрес, кольцо вокруг столика начинает сжиматься. А у меня нет никакого желания отбрыкиваться вежливо, я и напугать могу.

– Не сомневаюсь. Ладно, я быстро.

Но даже тех пяти минут, которые ушли у меня на добывание двух бокалов успокоительно-вразумляющего напитка, хватило одному из жаждущих прижаться к высокой груди Таньского, чтобы нагло усестся на мое место. Он явно пытался по-быстрому обрисовать моей подруге, какие фантастические перспективы ожидают ее в случае согласия, но момент парень выбрал явно неподходящий. Таньский мрачно посмотрела на него и выдала короткую фразу, после которой соискателя словно ветром сдуло.

– Ты что ему сказала такое, душистый бутончик? – поинтересовалась я, ставя перед грустной подругой утешительный приз.

– Не важно, – махнула рукой та, – важен результат.

– А теперь, – устроившись поудобнее, пригубила я коктейль, – давай разбираться в твоих мироощущениях. Сейчас все ранее перечисленные вибрации есть? Пупырышки на теле присутствуют?

– Ты знаешь, как-то все поутихло, словно исчез поток энергии, чувственный ветер.

– Эй, кто тут у нас поэт – я или ты! – возмутилась я. – Что это за попытка внедрения в мою вотчину? Ишь ты, сравнения какие – чувственный ветер! И откуда дует этот ветер?

– Вон из того угла, – взглядом показала Таньский в закуток сразу за пультом шефа нашей дискотеки, диджея Али.

– Ты что, на Али запала? – с сомнением оглядела я жирненького и слащавого диджея, с волос которого, казалось, сейчас закапает гель для волос.

– С ума сошла! – возмутилась моя пупырчатая подружка. – А то я Али каждый вечер не вижу! Он у меня эмоций вызывает не больше, чем его аппаратура. Надеюсь, в извращенной тяге к колонкам ты меня не заподозришь?

– А больше я там никого не вижу, – тщетно вглядывалась я в темень, царившую за спиной Али. Нет, там скорее всего было не так уж и темно, просто диджейский пульт был ярко освещен, и все, что (или кто) скрывалось за границей светового круга, пряталось во мраке. – Знаешь, Таньский, ты, наверное, экстрасенс скрытый, если ты чувствуешь чью-то энергетику, не видя объекта.

– Какой там еще экстрасенс, ведь это только сейчас все началось! И почему-то именно сегодня, неужели кто-то новый появился?

– Новые типажи здесь появляются почти ежедневно, одни уезжают, другие приезжают, но все отдыхающие тусуются здесь, на танцполе или за столиками. Я не думаю, что Али пустил бы себе за спину посторонних. Похоже, Таньский, – подмигнула я медитирующей подруге, – тебя переключило на ком-то из работников отеля.

– И где же он раньше был?

– А я почему знаю? Пошли лучше танцевать, а то дискотека скоро закончится.

И мы пошли. И шумное сопение, и рытье копытами земли на этот раз усилились многократно, потому что Таньский превзошла саму себя. Если раньше ее танец был, так сказать, беспредметным, то сейчас, когда подругу заинтересовал и заинтриговал неизвестный, вся накопленная за пять лет сексуальная энергия (страшное дело!) закурилась над Таньским, словно предупреждающий дымок над жерлом проснувшегося вулкана. И этот дымок явственно тянулся туда, в угол диджея. Не знаю, может, это срабатывало самовнушение, но мне казалось, что я вижу наяву, как два встречных потока желания переплетаются и так, туго свитые, словно жгуты, продолжают свое движение в заданном направлении. Вы скажете – так не бывает, нельзя желать того, кого не видишь, может, там урод жуткий, потому и прячется. Я тоже так считала раньше, но первую брешь в моей уверенности пробила история наших с Лешкой отношений, а теперь я воочию убедилась – в жизни бывает все!

Вконец истомившись от любопытства, я едва дождалась конца дискотеки. Ну, теперь-то я увижу, к кому же Таньского тянет со страшной силой. Она, бедняга, от волнения стала похожа на получившего-таки свой удар суслика – бледная, лицо безумное, глаза периодически закатываются – просто блеск!

Я встряхнула ее за плечи:

– Так, дорогуша, прекращай истерику. Иначе рухнешь где-нибудь посередине «Ручейка», и я вряд ли сумею тебе помочь.

– Почему? – прошептала Таньский, по-прежнему пребывая в невменяемом состоянии.

– Потому что моих жалких силенок вряд ли хватит на то, чтобы отбить твое вожделенное для местных самцов тело от этих самых самцов. Давай, сконцентрируйся, включи автопилот, и пошли.

– Но ведь, – словно сомнамбула, двинулась за мной подруга, – ведь сейчас я увижу ЕГО! Как ты не понимаешь!

– Поверь мне, сейчас ты увидишь не только ЕГО, – передразнила я патетическую интонацию Таньского, – а еще и удвоенное количество претендентов на роль ЕГО! И все благодаря твоему разнузданному и безнравственному поведению. Ты хоть помнишь, что ты вытворяла последние полчаса? – пыталась я растормошить этого андроида, но все было бесполезно.

Как я и предполагала, количество черноволосых бутонов роз увеличилось. А вот количество настоящих – наоборот. Не выдерживали хрупкие розовые кусты партизанских набегов жарких мужчин, несмотря на все усилия садовников.

Я за руку волокла свою очумевшую подругу, стиснув зубы и отталкивая наиболее настырных обожателей. Ну их в пустыню, эти дискотеки, осточертело мне это ежевечернее шоу. Теперь еще и Таньский ополоумела, причем непонятно из-за кого.

А кстати, где же этот страстный мачо, который так хотел мою подругу? Самое время появиться. Но, судя по тому, что Таньский абсолютно не реагировала ни на кого из поджидавших ее мужчин, незнакомец так и не появился.

Интересненько!

ГЛАВА 9

К моменту возвращения в номер я напоминала Пятачка из отечественного мультика про Винни Пуха. Помните: «Интересно, куда подевался мой воздушный шарик? И откуда взялась эта тряпочка?» Приблизительно так все и выглядело – вместо эффектного и сияющего воздушного шарика, каким была Таньский к концу дискотеки, я приволокла домой невразумительную тряпочку. Бедняга даже полиняла как-то, выцвела. Вот ведь дитя эмоций!

Ну ничего, я Таньского знаю. Ее лучше сейчас не трогать, оставить наедине с собой. Они друг с дружкой (Таньский и собой) переспят ночь, предъявят взаимные претензии, объявят войну, поругаются всласть, потом помирятся и выработают план дальнейших действий.

Так и получилось. Утром я проснулась от предательского удара солнечных лучей прямо в лицо.

– Подлая ты все-таки женщина, Таньский, – простонала я, натягивая на голову простыню (не под ватным же одеялом спать в Египте!), – я бы даже рискнула сказать – зараза гнусная. Какого, спрашивается, пингвина ты шторы отдернула?

– Просыпайся, хватит спать, не забудь убрать кровать! – продудела «Пионерскую зорьку» жизнерадостная (я же говорила!) подруга.

– Я бы с большим удовольствием тебя куда-нибудь убрала, – пробурчала я, уткнувшись в подушку, – поскольку главных в подруге качеств – чуткости и самопожертвования – в тебе не было, нет и не будет.

– Давай, давай, поднимайся, – потянула меня за пятку Таньский, – у нас с тобой много дел сегодня.

– У нас? – в попытке достать эту злыдню лягнула воздух я. – У меня лично никаких новых дел не предвидится.

– Ну ладно, не вредничай, – продолжала тормошить меня эта перевозбужденная самка гамадрила, – не могу же я одна отправиться на поиски моего незнакомца.

– Можешь, – злорадно ответила я, – еще как можешь!

– Ладно, как хочешь, – покладисто согласилась Таньский и направилась к выходу. Вот ведь гримза, тоже изучила меня за четверть века как облупленную. А кстати, всегда мучилась над этимологией этого слова. Облупленный – это в смысле лупили со всех сторон до синяков? Или скорлупу снимали, как с крутого яйца? Или глазами лупали, разглядывая? Или облупленный – синоним слова облапленный, т. е. облапанный? В общем, знает меня Таньский хорошо, и моя реакция была просчитана этой провокаторшей заранее.

– Ну вот куда ты пошла, камень в почках? – сопя, вылезла я из кровати. – Прекрасно ведь знаешь, что оставить тебя без присмотра я не могу, а тем более позволить тебе одной шариться по служебным помещениям отеля. И вообще, как ты это себе представляешь?

– Что именно? – как ни в чем не бывало уселась на призеркальный пуфик Таньский.

– Как ты его искать будешь?

– Ну как, – пожала плечами подруга, – я же его почувствую, так и найду.

– Бред, причем самый настоящий, неподдельный, высшей пробы.

– Но почему?

– Ты только представь себе картинку: две тетki с очумелым видом лозоходцев бродят по территории отеля, проникают на кухню, в подсобные помещения, в офисы и везде, встретив мужскую особь, застывают и ждут – начнет ли основная бабахнутая покрываться пупырышками и трепетать или нет.

– Вообще-то ты права, – поскущнула Таньский. – Идиотизм получается. Но что же делать?

– А почему обязательно что-то надо делать? Будем жить как жили. Не хватало еще за мужиками бегать, и кому – тебе, объекту вожделения многих! – начала по-революционному кликушествовать я.

– Слушай, если бы я не знала точно, где ты была в декабре прошлого года, я бы решила, что ты жила на Майдане, – хихикнула Таньский.

– На Ма-чем?

– Ну, в Киеве, на Майдане, там, где было «оранжевое небо, оранжевое солнце, оранжевые люди оранжево поют!» – спародировала Стоцкую эта злыдня и, ехидно улыбаясь, добавила: – А поют весьма однообразные песни: «Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!»

– Что там у них у щенка? Чумка?

– Не придуривайся, не такая уж ты темная.

– Нет, я не темная, я не светлая, я сумеречная! – таинственно провыла я. – Ладно, пошли в дозор. Но учти, твоего мачо будем вычислять без фанатизма, ясно? Вначале тебе придется запупыриться, а потом и вычислять будем.

– Слушаюсь, шеф, – с интонациями Папанова в «Бриллиантовой руке» дураковато вытирачилась на меня Таньский.

И мы пошли жить, как раньше. Вернее, это я жила, как раньше, а Таньский целый день старательно делала вид, к вечеру виду надоело, что его все время делают, и он послал мою подругу подальше. Так что на дискотеку пришла совершенно невменяемая особь, каждые пять минут истерически разглядывающая свои руки (как самую доступную часть тела) в поисках тремора и пупора.

Но, увы, моя пугливая лань все еще была гладкой и бесчувственной. Она даже танцевать идти не хотела, однако подобного издевательства над природой я снести не могла и буквально пинками вытолкала несчастную на танцпол. Естественно, я оказалась права – музыка сделала свое дело, и к началу следующей композиции передо мной была уже знакомая всем Мисс Дэнс-Эротика.

Почти час я наслаждалась этим незабываемым коктейлем, составленным самым гениальным в мире барменом, – треть звездного неба, треть дыхания моря и треть огненных ритмов. И самозабвенно выплясывающая соломинка – Таньский.

Но вот соломинка начала лихорадочно озираться. Явился, похоже. Я вопросительно посмотрела на Таньского, но поймать ее абсолютно расфокусированный взгляд не смогла. Так, с меня хватит этого идиотизма! Нет, идиотизм был утром. Тогда кретинизма! Пора мне вмешаться в этот неуправляемый процесс.

Я решительно отодвинула Таньского и направилась к вотчине Али. Сомнений в том, что загадочный мучитель Таньского прячется именно там, не было ни малейших, поскольку бывшая соломинка превратилась в стрелку компаса, безошибочно указывающую направление. Ну, сейчас я этому квази-Призраку Оперы покажу! А кстати, что бы ему показать такое убедительное? Может, сценку «Ленин и печник»? Или «Превращение Энакина Скайуокера в Дарта Вейдера»? По убойности впечатления обе сценки приблизительно одинаковы. Особенно в моем исполнении.

Али смотрел на мое приближение слегка обеспокоенно, но следов паники на его круглой физиономии не наблюдалось. Как и у всякого, кто лично не знаком с тайфуном «Анна». И когда я решительно направилась в обход его пульта в искомый закуток, безрассудно выставил в качестве заслона свою упитанную тушку.

– Туда нельзя, – на плохом английском наивно сообщил он мне.

– Почему?

– Там провода, электричество, леди может травмироваться.

– Скорее леди травмирует тебя, Али, если ты меня непустишь, – холодно процедила я, уперев палец с любовно выращенным на отдыхе ногтем в защищенный лишь тонкой майкой мягкий пузец Али. – А проводочков леди не боится, леди известнейший в России инженер.

– Но... – попытался было продолжить дискуссию Али, но тут, заметив у него за спиной какое-то шевеление, я вдавила палец посильнее.

Али хрюкнул и отскочил. А я, забыв о том, что после яркого света глазам надо дать привыкнуть к темноте, раненым буйволом ломанулась в заветный уголок. И угодила в горячие объятия небольшого столика, на котором, судя по звону и бляму, только что мирно дремали бокалы. Обрушившись вместе с этим гадким столиком на землю, я получила еще и пинок от стула, затаившегося рядом с приятелем. Отбиваясь от злобной мебели и сообщая ночной прохладе все, что я думаю:

– об Али;

– о таинственном мачо;

– о Таньском с ее истериками;

– об этой... мебели и ее производителях, я все же успела заметить чей-то силуэт, быстрыми шагами покидающий поле боя. Трус! Вернись и сражайся, как мужчина! Хотя нет, как мужчина мне не надо, это Таньскому надо. А мне есть с кем сражаться.

Расправившись с коварной мебелью, я поднялась и, отряхиваясь, вышла на свет. Руки чесались отвесить подзатыльник Али, но, вовремя сообразив, что после его липкого геля для волос эти самые руки будут чесаться еще больше, я благоразумно удержалась, ограничившись лишь свирепым взглядом.

Так, теперь надо отыскать Таньского. Сейчас и проверим, нужного ли типа я только что наблюдала.

Я нашла свою подругу одиноко сидящей за столиком с совершенно потерянным видом. Хотя насчет одиночества я погорячилась. Ее воздыхатели густо облепили окрестности столика. Вся эта картина живо напомнила мне о моей кошке Миринде. Такие же сценки наблюдались с периодичностью три-четыре раза в год – Миришка, с отсутствующим видом сидящая под окном, и поодаль терпеливо ожидающие своего часа все окрестные коты.

– А ну, брысь всем, – рявкнула я, усаживаясь рядом с Таньским. Не надо было быть знатоком русского языка, чтобы понять приказ. Пространство вокруг нас очистилось.

– Ты где была? – с несчастным видом посмотрела на меня Таньский.

– Сейчас расскажу, – нетерпеливо поерзала я. – Но только ты мне скажи – сейчас что-нибудь чувствуешь?

– Сейчас – нет. А вот недавно все было как вчера, представляешь? А потом ты куда-то исчезла. И вскоре исчезли и мои бабочки в животе, – дрожащим голосом закончила моя страдальца.

– Не бойсь, Таньский, – гордо улынулась я, – у тебя ведь есть такая умная и отважная подруга, как Анна Лощинина, поэтому поводов для разнюнивания быть не может в принципе. А теперь – внимание! Барабанная дробь, флаги трепещут...

– Ну хватит тебе, не томи, – начала оживать Таньский.

– Так вот, я ходила в разведку, атаковала Али.

– И что?

– Представляешь, этот коала пытался МЕНЯ остановить! – фыркнула я. – Но попытка была всего лишь одна, больше он не дергался, и я прорвалась в закуток.

– Ой, – зажала рот руками Таньский. Так, ее либо тошнит от волнения, либо она сейчас хлопнется в обморок. И то и другое нежелательно. Придется пойти на крайние меры. И я со всей дури пнула ее по ноге. Помогло.

– Больно же, – взвизгнула Таньский, мгновенно придя в себя. – Ты что, сдурела? Теперь синяк будет!

- Ничего, у меня тоже хватает после боя с мебелью!
- Какого еще боя?
- Не важно. В общем, там, в углу, за пультом диджея, стоял небольшой столик, стул, на столике – бокалы, короче, там кто-то сидел, ты правильно почувствовала. Но из-за этого жиртреста Али я твоего мачо упустила, он удрал.
- Но он там был, я не ошиблась, – расплылась в блаженной улыбке Таньский.
- Был, был. И кое-что я разглядеть успела, пока он удирал. Твой незнакомец довольно высокий, стройный, на голове у него повязана бандана, и, внимание, он носит черные очки!
- Почему внимание? – автоматически переспросила Таньский.
- Интересно, зачем человеку ночью черные очки? Тоже мне, Риддик нашелся.
- Кто?
- Интеллектуал в пальто. Ладно, не напрягайся. Определенные подвижки имеют место быть. Установлено точно – он есть, и его надо съесть!
- Шуточки у тебя, – счастливо улыбнулась подруга.

ГЛАВА 10

На следующее утро Таньский порхала по комнате радостным мотыльком. Хотя, учитывая ее аппетитную нижнюю часть, – радостной медоносной пчелой. Еще бы не порхать – предмет ее страсти оказался высоким и стройным, а мог бы быть кривоногим пузатым колобком. И все равно пришлось бы его вожделеть, куда денешься! Правда, настораживали черные очки ночью. Вполне вероятно, что мужик косой, одноглазый или бельмастый, но Таньский уверяла меня, что причина такого странного каприза совершенно другая. Какая же именно – она еще не придумала.

– Знаешь, Таньский, – задумчиво произнесла я, макая очередной (именно очередной, потому что, если я сознаюсь, какой он был по счету, я сгорю от стыда) воздушный рогалик в плешечку с золотистым медом, – чем больше я вспоминаю этого вчерашнего типа...

– Никакой он не тип! – возмутилась подруга, которая от волнения даже завтракать не могла и вот уже минут 20 ковырялась с одним несчастным блинчиком.

– Ох ты боже мой, ну извини. Так вот, чем больше я вспоминаю ЕГО, – благоговейно произнесла я и вопросительно посмотрела на Таньского, – так правильно? Я ничьих чувств-с не задела?

– Правильно, – буркнула защитница неизвестно кого.

– В общем, мне теперь кажется, что вчера я видела его не в первый раз, что он иногда мелькал где-то на заднем плане. Знаешь, как бывает, когда краем глаза замечаешь кого-то, но не фиксируешь на нем внимания.

– И где ты его не фиксировала?

– Точно не скажу, но здесь, в ресторане, пару раз мелькал. Стоп-стоп, кажется, что-то вспомнила!

– Что? Что? – Вилка и нож в руках Таньского забренькали по посуде, беднягу заколотило.

– Не торопи меня, – лихорадочно цепляла я багром норовившее опять нырнуть в глубины памяти воспоминание. Ура, получилось! – Вот, точно, вспомнила! Я видела его разговаривающим с тем парнем, который вешает афиши у входа в ресторан. Ну помнишь, мы еще смеялись над некоторыми названиями шоу на этих афишах, а ты говорила, что по сравнению с Турцией местная анимация – полная ерунда и на нее не стоит тратить время.

– Анюта, я тебя обожаю! – радостно завопила эта дурында, отчего многочисленные соотечественники, вкушавшие свой завтрак вокруг, посмотрели на нас с брезгливым любопытством. Так, эти две точно лесбиянки, я же тебе, Толик, говорила, а ты – нет, нет, не может быть! Таньский продолжила было блажить, но я пнула ее под столом ногой:

– Не ори так, балда несчастная!

– Почему же несчастная, очень даже счастливая, – шепотом сообщила мне балда (на это слово возражений ведь не последовало!), – ведь теперь я знаю, что ОН – аниматор!

– Откуда такая уверенность, может, он просто беседовал с тем аниматором, а к этой работе не имеет никакого отношения?

– Нет, я знаю, я чувствую, он аниматор! – упрямылась Таньский. – Он хорошо знаком с Али, а у них, у местных служащих, тоже существует своеобразная иерархия: работники кухни, охранники, уборщики, носильщики – это плебеи, так сказать, а вот менеджеры, ресепсионисты, аниматоры, диджеи – это местная аристократия. И никогда в жизни аристократ не будет водить дружбу с плебеем, а тем более пускать его в свою вотчину!

– Ну хорошо, согласна. Но ты же сама перечислила еще и менеджеров, и ресепсионистов, почему ты уперлась в аниматора?

– Почему – не знаю, а то, что он аниматор, – знаю! – стояла на своем Таньский. Своему было не очень комфортно служить пьедесталом для отнюдь не соломенной фемины, поэтому я поспешила освободить беднягу и согласиться:

– Ну хорошо, как скажешь. Значит, сегодня вечером, после ужина, потащимся смотреть их любительское шоу?

– Не потащимся, а вприпрыжку, с веселым гиканьем и молодецким посвистом побегим, – порадовала меня перспективой в очередной раз загреть в психушку, только теперь в египетскую, Таньский.

– Ну да, ну да, – покладисто закивала я головой. Их, психов, в период обострения лучше не раздражать. – Всенепременнейше и с удовольствием. А пока пошли на пляж. Только без гиканья и посвиста, ладно?

– Уговорила, – улыбнулась Таньский, и мы пошли в номер собираться на пляж.

Аниматоры в турецких и египетских отелях – это люди, которых у нас называют гораздо более изысканно и трепетно – массовики-затейники. Только у нас это дядька с гармошкой или тетка с мешками, в которых она заставляет бегать несчастных отдыхающих, а в 4—5-звездочных отелях Востока (насчет Запада, т. е. Греции, Италии, Испании, говорить не буду, не знаю просто), особенно это касается Турции, аниматоры развлекают гостей почти круглосуточно. С утра и в течение дня они организывают для любителей активного отдыха разные игры – пляжный волейбол, стрельбу из лука, дартс, бочо (шары катают), водное поло в бассейне и т. д., для женщин – аэробику, аквааэробику, бельданс. В мини-клубах девушки-аниматоры берут на себя нелегкую обязанность занять и развлечь детей отдыхающих, чтобы мамы и папы действительно могли почувствовать себя отдыхающими. А вечером, как правило, после мини-диско, т. е. дискотеки для детей, устраиваются развлекательные шоу: скетчи, инсценированные песни, мюзиклы, дэнс-шоу, конкурсы Мисс и Мистер Отеля и т. д. Правда, все это я знаю по рассказам Таньского, поскольку здесь, в Египте, во всяком случае, в нашем отеле, анимация не была очень уж активной. Мы пару раз проходили мимо амфитеатра, где они проводили свои шоу, и большого скопления публики что-то не замечали. Может, потому, что аниматорами здесь в основном работали итальянцы, которые русского языка не знали, а шоу проводили на английском, немецком и итальянском. Представителей же этих стран в нашем отеле было меньше, чем русскоязычных, отсюда и количество зрителей. Что касается дневной анимации, то тут я ничего не могу сказать, поскольку на такой жаре предпочитаю обугливаться на лежаке, периодически остывая в море.

Кстати, о море. Обещанный Таньским дайвинг пока меня не очень впечатлил, может, потому, что с нырянием у меня пока плоховато. Вернее, со всеми причиндалами дайвингиста – всеми этими масками, трубками, баллонами и прочими прибабасами. Некомфортно мне в этом, и потому действительно фантастический подводный мир Красного моря я пока не смогла оценить должным образом.

После ужина мы пошли в номер, чтобы переодеться и идти на шоу. Ну какие подводные камни могут таиться в этом безобидном намерении – переодеться! Эх, наивные! Вы не знаете разрушительной силы любовного безумия Таньского! За ней глаз да глаз нужен, и еще один глаз, и еще – в общем, много глаз нужно, и желательно обработанных «Ваниш Окси Экшн». Зачем? А чтобы были чистенькие и без пятен и ничто уже не могло им помешать следить за Таньским. Ну помните ведь рекламу этого чудодейственного средства, заканчивающуюся словами: «И пятна исчезают на глазах». Помните? Ну вот. В тот вечер мне не помешали бы еще две-три пары незапятнанных глаз, потому что моей одной явно не хватало. Мне же еще и на свое отражение в зеркале смотреть надо было, чтобы нарисовать хоть что-то презентабельное. А Таньский металась по номеру, периодически что-то роняя, забегая в ванную, жужжа феном и – вот он, самый ужасный признак, безоговорочно свидетельствующий, что разум на ближайшее

время покинул подругу полностью, – напевая: «Ой, люли мои, люли, ой, люли-поцелуй!» Разве можно это петь, находясь в здравом уме?

После завершения тщательнейшей прорисовки левого глаза я решила посмотреть, как там дела у Таньского. И едва не потеряла сознание. За это время сие недоразумение умудрилась сотворить из своих густых русых волос, которые совершенно не требовали замысловатой укладки, прическу, очень напоминавшую обусленную голову Али. Но если на темных волосах диджея налипшие на гель мухи были не видны, то в пакле Таньского уже просматривались два-три крупных экземпляра. Можно, я не буду рассказывать, какого дикого душевного напряжения мне стоило убедить эту дурынду немедленно вымыть голову и просто высушить волосы феном, отчего они стали блестящими и красивыми, как всегда.

Довольная результатом, я занялась правым глазом. Легкая подводочка (обращаю внимание – не под водочку, а подводочка!), чуть-чуть теней, один раз мазнуть тушью – готово! Так, теперь нарисуем рот.

Эй, что-то за спиной подозрительно тихо. Я обернулась. Ну что же это такое, в самом-то деле! Просто не узнаю своего Таньского, такой любовной придури у нее не наблюдалось даже во время бурного романа с Максимом. А сейчас умная, состоявшаяся женщина превратилась в какого-то свихнувшегося тинейджера. И это при всем при том, что объекта этих пылких чувств она еще и не видела!

На этот раз Таньский нанесла на лицо боевую раскраску племени мумбо-проститумбо, выходящего на Тверскую тропу. И это она, которая всегда предпочитала легкий естественный макияж, а здесь, на отдыхе, обходилась почти вообще без него, справедливо считая, что потеки растаявшей туши на вспотевшем лице вряд ли могут украсить женщину.

Пришлось опять мягко напомнить больной, что ее мачо, запавший на натурального, так сказать, Таньского, вряд ли сможет разглядеть ее сквозь слой грима в палец толщиной.

Ну что ж, всего каких-то полчаса интенсивной психотерапии с погружением в гипнотический сон, и вуаля – Таньский поплелась смывать маску жрицы любви.

В общем, учитывая все эти подводные скалы, на шоу мы приплыли где-то минут через 20 после начала. Судя по афишке у входа в ресторан, сегодня нашему вниманию предлагался какой-то рок-н-рольный мюзикл. Только вот аниматоры не пели сами, они подобрали под сценарий различные роковые композиции и старательно открывали рты под фонограмму. Но, если честно, разве не то же самое делают многие наши певцы? Лешка мой поет честно, я знаю, а про остальных говорить не буду. Что же касается сегодняшнего мюзикла, на который я пришла с большой долей скепсиса – эту самую долю я выбросила почти сразу, поскольку все было весьма даже недурственно: и декорации, и костюмы, и артистизм участников, и грим, и сценарий, и композиции, – все было на уровне. Видимо, поэтому сегодня зрителей было больше, чем обычно, все первые ряды амфитеатра были заняты. Мы с Таньским нашли места лишь на самом верху, на предпоследнем ряду.

Когда мы пришли, на сцене очень симпатичная девушка пела (вернее, изображала, что поет) какую-то трогательную композицию. Потом на сцену ворвались одетые в кожу рокеры, началась драка, пошла рокошующая напряженная музыка, казалось, все пульсирует в едином ритме, в том числе и сердца зрителей. И вдруг... Музыка прекратилась, погас свет, несколько секунд вибрирующей тишины, зазвучали первые аккорды композиции «We will rock you», и внезапно позади нас запылал огонь. Все оглянулись – на самом краю амфитеатра, на тонкой стене ограждения стоял высокий, стройный мужчина, одетый в кожаные брюки и кожаную жилетку на голое тело. В руках он держал два факела, пляшущие отблески которых освещали великолепное тело, которое жилетка не скрывала, а подчеркивала. С тигриной грацией он начал спускаться вниз, размахивая факелами в такт музыке. От него исходил такой животный магнетизм, что раздался всеобщий дамский «ах!», а Таньский начала заваливаться мне на

плечо. Надо ли упоминать, что на голове у этого роскошного мужика была бандана, а в черных очках бликовало пламя факелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.